

129686

Б. Краевскій.

Горе и радость дѣтскаго возраста.

Лекціи по психологіи чувствъ ребенка.

Содержаніе: Главное различіе между старой и новой педагогическими школами. Роль психологіи въ современномъ воспитаніи. Трудности при оцѣнкѣ чувствъ взрослыхъ и ребенка. Теорія страданія и удовольствія. Первый плачъ новорожденнаго. Физиологія плача и смѣха. Преобладаніе непріятныхъ ощущеній въ раннемъ дѣтствѣ. Заболѣваемость и смертность дѣтей. Здоровье и ростъ, какъ органическій источникъ счастья. Частныя физиологическія причины страданія и удовольствія дитяти. Родительская опека, какъ основа благополучія ребенка. Интеллектуальныя причины дѣтскаго счастья. Пріятныя и непріятныя стороны труда. Дитя, какъ нравственное существо. Два крайнихъ взгляда на него. Главнѣйшія дѣтскія эмоціи: жадность, гнѣвъ, страхъ и жалость. Общіе выводы. Сомнительныя „факторы дѣтскаго счастья“, г-на Останина. Значеніе дѣтскихъ забавъ, какъ скрашивающаго и примиряющаго начала. Заключение.

Цѣна 60 коп.



ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

1905.



Изданія книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

МОРЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

Соч. проф. Вальтера.

ПОПУЛЯРНАЯ ОКЕАНОГРАФІЯ,

съ мног. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями
проф. А. Н. Краснова.

Цѣна 1 р. 75 коп.

ДУША и ПРИРОДА.

Сочиненіе проф. В. Я. Данилевскаго.

2-е, дополненное и переработанное, изданіе.

Цѣна 1 руб.

Д-ръ РЕЙБМАЙРЪ.

ТЕХНИКА МАССАЖА и ВРАЧЕБНАЯ ГИМНАСТИКА,

съ 242 рисунками.

Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія д-ра Аршавскаго,

съ предисловіемъ Л. В. Орлова,

профессора Императорскаго Харьковскаго университета.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Руководство къ изученію англійскаго языка

составилъ Ю. Ферберъ, лекторъ Императорскаго Харьков. университета.

Руководство это можно рекомендовать для самообученія, такъ какъ въ немъ произношеніе написано русскими буквами, и оно снабжено русско-англійскимъ и англійско-русскимъ словаремъ для самыхъ важнѣйшихъ выраженій.

Цѣна вмѣсто 1 р. 20 к. только 60 к.

Гербертъ Спенсеръ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ (Reflections).

Глава изъ Автобіографіи.

Переводъ съ англійскаго Г. Г. ОРШАНСКАГО.

Цѣна 40 коп.

Изданіе 1905 г.

ГИПНОТИЗМЪ,

его значеніе въ наукѣ, въ правѣ и уголовномъ судопроизводствѣ.

Сочиненіе проф. Э. Ф. Беллина.

Цѣна 1 р. 50 к.

Б. Краевскій.

Горе и радость дѣтскаго возраста.

Лекціи по психологіи чувствъ ребенка.



199661
Содержаніе: Главное различіе между старой и новой педагогическими школами. Роль психологіи въ современномъ воспитаніи. Трудности при оцѣнкѣ чувствъ взрослыхъ и ребенка. Теорія страданія и удовольствія. Первый плачъ новорожденнаго. Физиологія плача и смѣха. Преобладаніе непріятныхъ ощущеній въ раннемъ дѣтствѣ. Заболѣваемость и смертность дѣтей. Здоровье и ростъ, какъ органическій источникъ счастья. Частныя физиологическія причины страданія и удовольствія дитяти. Родительская опека, какъ основа благополучія ребенка. Интеллектуальныя причины дѣтскаго счастья. Пріятныя и непріятныя стороны труда. Дитя, какъ нравственное существо. Два крайнихъ взгляда на него. Главнѣйшія дѣтскія эмоціи: жадность, гнѣвъ, страхъ и жалость. Общіе выводы. Сомнительные „факторы дѣтскаго счастья“, г-на Останина. Значеніе дѣтскихъ забавъ, какъ скрашивающаго и примиряющаго начала. Заключение.



ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

1905.

Дозволено цензурою. Москва, 11 мая 1905 г.



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1905.

„Пусть хоть крошечной каплей житейскаго
счастья

Будутъ скрашены первые дѣтскіе дни.

Охраняйте дѣтей отъ тоски, отъ ненастья,
Какъ цвѣтамъ, не давайте расти имъ въ
тѣни“.

Посвящается С.....ъ

Мм. гг. Исторія педагогії послѣднихъ столѣтій приводитъ рядъ популярныхъ именъ, съ которыми связано коренное преобразование стараго, какъ міръ, дѣла воспитанія, или, лучше сказать, созданіе педагогії, какъ науки. Для специалистовъ важно и интересно разбираться по долгу, какія въ частности заслуги имѣетъ тотъ или другой корифей этой науки, но все остальное интеллигентное общество въ правѣ требовать краткихъ итоговъ, простыхъ указаній происшедшихъ въ наше время перемѣнъ и новыхъ путей, избранныхъ наукой.

Какъ ни трудна и опасна всякая огульная оцѣнка многихъ и различныхъ стремленій, усилій и стяжаній, то приискиваніе общихъ девизовъ для цѣлыхъ эпохъ, многихъ поколѣній тружениковъ имѣетъ также свои прекрасныя стороны.

Подведеніе подъ общее начало, оглашеніе окончательныхъ выводовъ позволяетъ не только широкимъ кругамъ общества ознакомиться съ состояніемъ даннаго дѣла, но облегчаетъ и самимъ специалистамъ обзоръ ихъ историческаго прошлаго.

Беря на себя трудную задачу въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать упомянутый переворотъ въ педагогії, я склоненъ утверждать, что задача, поставленная всѣми выдающимися воспитателями, начиная съ отца современной педагогії Коменскаго и кончая новѣйшими французскими «педологами», сводилась и сводится къ познанію дитяти, изученію всѣхъ физическихъ и психическихъ особенностей его возраста.

Для васъ, мм. гг., привыкшихъ къ основательности и пытливости современныхъ научныхъ приемовъ, можетъ по-

казаться страннымъ, что изученіе ребенка началось въ сравнительно недавнее время, между тѣмъ какъ дѣло воспитанія — одно изъ древнѣйшихъ, тѣмъ не менѣе приходится констатировать фактъ, что натура ребенка со всѣми своими своеобразностями не интересовала вовсе старыхъ педагоговъ. Скажемъ больше: они къ ней относились съ преднамѣреннымъ пренебреженіемъ и считались съ нею развѣ только въ предѣлахъ одной физической необходимости. Пренебреженіе къ дѣтству, какъ къ таковому, въ старое время сказывалось во всемъ: начиная съ полного лишенія свободы дитяти, физическихъ наказаній, кончая преслѣдованіемъ дѣтскихъ забавъ, отсутствіемъ дѣтской литературы *).

Мы были бы однако несправедливы по отношенію къ прежнимъ воспитателямъ, если бы вздумали ихъ обвинять въ безсердечности: они желали по-своему только добра дѣтямъ и истязали и коверкали ихъ жизнь безсознательно, въ силу заблужденія, какъ, напр., истязаетъ, не вѣдая объ этомъ самъ, ребенокъ своего любимца котика или собачку, заставляя ихъ продѣлывать все пріятное для человѣка. Старого закала воспитатели и не подозрѣвали, что ребенокъ можетъ имѣть свои особенности, что полезное для взрослого можетъ и не быть полезнымъ для ребенка. Ребенокъ казался имъ просто тѣмъ же взрослымъ, только крайне несовершеннымъ и безсодержательнымъ человѣкомъ. Они считали его пустою хартией, которую слѣдуетъ возможно скоро, полно и красиво записать, или лучше употребить другое сравненіе: они смотрѣли на ребенка и на дѣтство, какъ на безформенный матеріалъ, ту завѣтную глину, изъ которой Господь Богъ сотворилъ нашихъ прародителей, и думали, по своей нескромности, что они призваны продолжать дѣло Божіе.

Что человѣкъ приноситъ съ собою на свѣтъ въ зача-

*) Достаточно упомянуть, что до Амоса Коменскаго для дѣтей не было столь излюбленныхъ ими „картинокъ“. Дѣтская литература создана впервые Кампе и его современниками.

точномъ видѣ всѣ способности и склонности, которыя за-
тѣмъ, въ періодъ дѣтства, претерпѣваютъ только превра-
щенія и развитіе, объ этомъ иногда догадывались смутно,
но не были въ состояніи сдѣлать отсюда практическаго
заключенія, что именно роль воспитателя должна ограни-
читься благоразумнымъ пользованіемъ всѣми природными
способностями, то-есть состоятъ въ развитіи наличныхъ
достоинствъ души воспитанника и облагораживаніи дур-
ныхъ, грубыхъ склонностей. До этого вывода удалось
дойти только позднѣйшимъ поколѣніямъ, и этимъ откры-
тіемъ люди обязаны главнымъ образомъ естествознанію
вообще и теоріямъ эволюціи и наслѣдственности въ част-
ности. Современная педагогія въ сравненіи со старой шко-
лой стала, можно сказать, на противоположную точку:
она ничего не предрѣшаетъ и не навязываетъ, но ко всему
прислушивается и приспосабливается; говоря образнымъ
языкомъ Фребеля, нынѣшнее воспитаніе вмѣсто того, что-
бы «начинять и влагать въ ребенка», должно, наоборотъ,
«добывать, извлекать», вырачивать имѣющіеся въ немъ
зародыши силъ. Даже въ дѣлѣ общаго совмѣстнаго обу-
ченія слышатся теперь призывы, что «преподаваніе долж-
но примѣняться къ развитію ребенка, а не къ требова-
ніямъ программъ, школьнымъ курсамъ и т. п.» (Пестало-
цци), что все должно быть индивидуализировано, что
исходной точкой всѣхъ плановъ воспитанія долженъ быть
самъ воспитанникъ, т.-е. что и здѣсь, какъ вездѣ, суббота
должна быть для человѣка, а не человѣкъ для субботы.

Я позволю себѣ привести еще слова извѣстнаго рус-
скаго дѣятеля, проф. Лесгафта, которыми почтенный уче-
ный начинаетъ одно свое сочиненіе по педагогіи:

«Самое существенное требованіе, какое необходимо
предъявить воспитателю и учителю, берущему на себя
обязанности руководить ребенкомъ... это, чтобы онъ по-
нималъ ребенка, его психическія отправления, а равно
и его индивидуальныя свойства». Есть, наконецъ, голоса,
которые утверждаютъ, что даже бонны и няньки должны

обладать элементарными свѣдѣніями о духовной жизни дитяти.

Сказанное движеніе началось уже 2, даже 3 столѣтія тому назадъ, но мы имѣемъ полное основаніе называть его новымъ, такъ какъ оно прежде ограничивалось сферой личныхъ вліяній преобразователей педагогій, далѣе же въ широкую жизнь принципы, установленные ими, не проникали, да и теперь проникаютъ съ большою трудностью; нельзя однако не отмѣтить значительнаго прогресса какъ въ дѣлѣ домашняго, такъ и школьнаго воспитанія, и улучшеніе это будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дружиѣ будутъ работать ученые изслѣдователи, педагоги-практики и родители, чѣмъ лучше будетъ общество поставлено въ курсъ дѣла, освѣдомлено о результатахъ трудовъ выдающихся специалистовъ и условіяхъ труда сѣрой братіи работниковъ.

Взаимодѣйствіе естествознанія и педагогій обѣщаетъ въ дальнѣйшемъ будущемъ еще усилиться и дать блестящіе результаты: въ дѣлѣ воспитанія начинаютъ примѣнять экспериментальный методъ, выдающіеся натуралисты дѣлаютъ и записываютъ точныя наблюденія надъ собственными дѣтьми. Въ настоящее время можно даже говорить о самостоятельной отрасли психологій, именно *психологій дѣтскаго возраста*, возникшей приблизительно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и обогащаемой научными вкладами всей Европы и Америки.

Вотъ общія причины, заставившія меня подѣлиться съ вами, милостивые государи, нѣкоторыми результатами наблюденій надъ дѣтьми, накопившихся въ спеціальной литературѣ. Я долженъ напередъ извиниться, если настоящее мое сообщеніе окажется неполнымъ и нецѣльнымъ: кромѣ, конечно, моихъ слабыхъ силъ, виновенъ въ данномъ случаѣ отчасти и предметъ бесѣды. Я упомянулъ уже, что психологія дѣтства возникла нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Такой промежутокъ времени для науки означаетъ ея младенческій почти возрастъ, особенно

для науки, имѣющей дѣло съ едва уловимыми измѣнчивыми явленіями, какими оказываются движенія дѣтской души. «Дитя,—говоритъ одинъ писатель,—какъ книга, страницы которой мы перелистываемъ, не имѣя возможности остановиться въ чтеніи. Сегодня оно не то, что было вчера; его дѣйствія, кажуціяся съ перваго разу однообразными, безпрестанно мѣняются, если ихъ наблюдать тщательно».

Я избралъ въ частности психологію чувствъ дитяти, какъ область болѣе доступную для насъ и богатую внѣшними, осязательными, такъ сказать, явленіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря о горѣ и радости, удовольствіяхъ и страданіяхъ дѣтскаго возраста, я, вѣроятно, иду навстрѣчу самымъ животрепещущимъ интересамъ родителей. Нѣтъ, пожалуй, отца, а тѣмъ болѣе матери, которая не задавалась бы кое-когда надъ колыбелью или кроваткой вопросомъ: изготовили ли мы своему ребенку призывомъ его къ жизни больше радости или больше страданій? Что испытываетъ уже теперь и переживаетъ ребенокъ на утрѣ жизни? Удалось ли и удастся ли хоть временно удалить отъ него всю горечь жизни?

Свѣдѣнія средняго, даже всесторонне образованнаго человѣка на эти какъ разъ вопросы не даютъ удовлетворительнаго отвѣта, они сводятся большею частью къходячему, вполне безотчетному оптимистическому повѣрью о дѣтскомъ счастьѣ, которое находитъ поддержку въ восторгахъ того или другого поэта, воспѣвашаго «златой разсвѣтъ» дѣтства. Кстати однако замѣтимъ, что далеко не всегда поэты изображаютъ дѣтство въ радужномъ свѣтѣ, и тѣ, которые это сдѣлали, не обнаружили, по-моему, въ данномъ случаѣ вѣщаго духа, а, напротивъ, какъ натуры чувствительныя и страждущія, поддались извѣстному самообольщенію, объ источникѣ котораго рѣчь будетъ впереди.

*) У Гёте дѣтскій возрастъ названъ темнымъ (Герм. и Дор., IV, 161).

Чтобы мое указаніе на разногласіе поэтовъ не казалось голословнымъ, приведемъ два пессимистическихъ голоса русскихъ поэтовъ. Самымъ безщаднымъ образомъ развѣнчиваетъ дѣтство свое Надсонъ:

Проклятыя вамъ, мои младенческіе годы,
За мертвой книжкою, за школьною стѣной
Прошли вы безъ любви, безъ дружбы, безъ свободы,—
Не мирнымъ праздникомъ, а тяжкою грозой.

А вотъ слова Фофанова, относящіяся, впрочемъ, ко всей юности:

Нѣтъ, съ юностью весну я не сравню!..
Весна даритъ ликующему дню,
Всѣ радости, что жизнью именуемъ.
Чѣмъ горячѣй лобзаніе луча,
Тѣмъ ласковѣй, тѣмъ слаще пробужденье
И звонче плескъ веселаго ключа,
Воскресшаго отъ сна оцѣпенѣнья...
А юность что? восторгъ или обманъ?
Какъ облако сама веснѣ подвластна,
Она несетъ намъ призрачный туманъ,
Волнуетъ насъ и мучаетъ напрасно.

Панегириковъ въ честь дѣтства и юности я не при-
вожу: они слишкомъ часто раздаются и слишкомъ из-
вѣстны.

Подобно пѣснямъ поэтовъ и гласъ народа, восхваляю-
щій дѣтство, не можетъ быть принимаемъ за гласъ Бога—
его вообще полезно принимать, по совѣту Гейне, за то,
что онъ есть въ дѣйствительности, т.-е. за мнѣніе многихъ
людей, среди которыхъ есть и умные и ограниченные и
которымъ свойственно и открывать правду и ошибаться.

Объ этомъ гласѣ народа извѣстно между прочимъ, что
во всѣхъ сферахъ, гдѣ нѣтъ проверенныхъ точныхъ дан-
ныхъ, тамъ процвѣтаетъ вымыселъ, миѳъ, которому люди
точно такъ же вѣрятъ, какъ въ послѣдствіи будутъ вѣрить
научнымъ обобщеніямъ.

Къ миѳамъ, не колеблясь, можно, по-моему, причислить
и распространенное повѣрье о дѣтскомъ счастьѣ.

Какъ мало вообще достовѣрна человѣческая память чувствъ, преданіе пережитаго и испытаннаго въ прошломъ, можно показать прежде всего на массовомъ историческомъ примѣрѣ, который, несмотря на свою величину, представляетъ полную аналогію съ интересующимъ насъ дробнымъ вопросомъ. Я имѣю въ виду коллективную, такъ сказать, память человѣчества о его дѣтствѣ, существующія у разныхъ народовъ представленія о младенческомъ вѣкѣ земного населенія,—однимъ словомъ, древній миѳъ о золотомъ вѣкѣ.

Какъ извѣстно, миѳъ этотъ распространенъ среди всего индоевропейскаго племени, а противъ соблазна идеализировать первобытныя условія жизни дикарей не устояли, кромѣ многихъ поэтовъ и беллетристовъ, и философскіе умы, въ родѣ Руссо.

Что же былъ на самомъ дѣлѣ золотой вѣкъ? Изслѣдованія этнологовъ доказываютъ, что пресловутая невинность нравовъ омрачалась между прочимъ повальнымъ людоедствомъ, а идиллическимъ радостямъ наврядъ ли было мѣсто среди неустанной борьбы, вѣчнаго страха и долгихъ лишеній, чередующихся съ краткими излишествами. Даже вѣчная бодрость, цвѣтущее крѣпкое здоровье обывателей золотого вѣка допускаютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Еще до сихъ поръ находятъ изуродованныя кости доисторическаго человѣка съ явными отпечатками болѣзней, которыя, по мнѣнію свѣдущихъ, вызывались обитаніемъ въ сырыхъ пещерахъ.

Невольно задаешься вопросомъ: какъ это возможно, что о столь неприглядной и незавидной дѣйствительности со временемъ сложилось столь заманчивое преданіе? Чтобы это объяснить, полезно миѳъ о золотомъ вѣкѣ рассмотреть въ связи съ другими близкими явленіями; такъ, напри-
мѣръ, съ нимъ имѣетъ очень много общаго пасторальная поэзія, извѣстное предрасположеніе къ старинѣ у романтиковъ, несомнѣнно также однородно съ нимъ ученіе циниковъ, далѣе проповѣдь возвращенія къ естественному

состоянію упомянутого уже нами Руссо и нѣмецкихъ писателей періода «бури и натиска», а въ новѣйшее время Л. Толстого и, пожалуй, Ницше *). Относительно времени возникновенія мѣа о золотомъ вѣкѣ мы, конечно, не освѣдомлены, но намъ извѣстно время, когда онъ воспѣвался Гезіодомъ и нейрастеникомъ Тассо, а далѣе извѣстно время возникновенія философіи двухъ школъ циниковъ Руссо, Льва Толстого и Ницше, и вотъ, хронологія выясняетъ намъ, что всѣ похвалы по адресу первобытнаго состоянія раздавались въ эпоху цвѣтущей цивилизаціи и усиленнаго прогресса или непосредственно послѣ такихъ подъемовъ духовной жизни. Это позволяетъ намъ разсматривать эти періодическія явленія, какъ естественную реакцію, именно, какъ реакцію усталости. Такое, по крайней мѣрѣ, толкованіе даетъ имъ извѣстный проф. Людвигъ Штейнъ. Тоска о прошломъ, сквозящая во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мысли человѣческой, вѣроятно не имѣетъ источникомъ своимъ потеряннаго въ дѣйствительности рая, но является результатомъ утомленія быстрою жизнью, «пресыщенія культурой», разочарованія, недовольства, отчаянія **), надорвавшагося, сломавшаго свои крылья духа. Человѣкъ обращается къ иллюзорному прошлому, чтобы только на время отвернуться отъ ставшей не въ мѣру тягостной дѣйствительности съ ея сутолокой. Въ такихъ случаяхъ онъ теряетъ способность судить безпристрастно, для него прошлое значительно лучше ужъ потому, что оно отлично отъ настоящаго и ничѣмъ не напоминаетъ ему о настоящемъ и чѣмъ оно далѣе, чѣмъ различнѣе, тѣмъ лучше.

Это состояніе духа близко съ настроеніемъ мчащагося въ вагонѣ пассажира, взоръ котораго избѣгаетъ мелькающаго пути и устремляется въ неподвижную даль, или съ

*) „Фридрихъ Ницше и его философія“, критико-біографич. очеркъ Людвигъ Штейна. Русскій переводъ въ журн. „Мірѣ Божій“, 1898, IX.

**) Обычныя душевныя состоянія при истощеніи.

настроениемъ бросаемаго волнами экипажа корабля, жадно обращающаго взоры даже къ пустынной, грозной скалѣ.

Радужныя краски, которыми человѣкъ самъ расписываетъ прошлое, заимствуются имъ у собственной души, что однако не мѣшаетъ ему предаваться любезному самообману. Мѣтко кто-то изъ западныхъ афористовъ называетъ раемъ само воспоминаніе—оно становится имъ въ силу нашей незлопамятности. Гёте вѣкъ золотой называетъ еще яснѣе, «извнѣ недостающимъ». Вотъ отрывокъ изъ него:

Я думаю, что золотое время,
Которымъ такъ прельщаетъ насъ поэтъ,
Не болѣе тогда существовало,
Какъ и потомъ; а если оно
И въ самомъ дѣлѣ было, то такое
Что можетъ возвратиться къ намъ всегда.

Но чтобы убѣдиться, какъ легко человѣкъ заблуждается въ оцѣнкѣ своего прошлаго и какъ подъ вліяніемъ времени и особыхъ душевныхъ состояній до неузнаваемости измѣняется колоритъ воспоминаемаго, намъ вовсе не нужно прибѣгать къ историческимъ и литературнымъ справкамъ. Сколько разъ приходилось каждому изъ насъ снисходительно выслушивать розказни старцевъ, какъ въ ихъ время все было на свѣтѣ чинно, ладно и прекрасно. «Добрымъ старымъ временемъ» называетъ каждое отживающее поколѣніе по очереди—собственное свое время, и если бы въ этомъ дѣйствительно была доля правды, то добро должно было бы прогрессивно убывать и, пожалуй, совсѣмъ уже исчезнуть и уступить мѣсто кромѣшному аду, чего однако не утверждаютъ самые безутѣшные пессимисты.

Подобно тому, какъ пресыщеніе, изнуреніе и отживаніе цѣлыхъ поколѣній вызываютъ проповѣдь возвращенія къ прежнему строю жизни и превозношеніе отжившихъ общественныхъ идеаловъ, такъ и въ разные моменты личной жизни отдѣльныхъ лицъ, въ трудныя минуты упадка силъ, душевнаго разлада и испытаній является потреб-

ность убѣжать отъ своего настоящаго «я». И вотъ человѣкъ погружается въ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, которое уже въ силу своей обособленности и въ силу того, что мы всегда преувеличенно сожалѣемъ о потерянномъ и не дорожимъ обладаемымъ, имѣетъ для насъ особое обаяніе, далеко превосходящее цѣнность всего того, что оно на самомъ дѣлѣ хорошаго содержитъ.

Конечно, подобно тому какъ мнѣ о золотомъ вѣкѣ человечества не могъ бы возникнуть, если бы сохранилась доподлинная традиція о тревогахъ и лишеніяхъ, которыя выносили невѣжественныя человѣческія орды отъ непокорныхъ стихій и превосходящихъ силой хищниковъ въ мрачномъ прошломъ, такъ и каждый человѣкъ въ отдѣльности не могъ бы услаждаться идеализированіемъ дѣтства, если бы у него въ памяти лучше и подробнѣе сохранилось все пережитое въ раннемъ возрастѣ. Но всякій легко можетъ на себѣ провѣрить, что взрослыми туго припоминаются самые крупные факты изъ дѣтства, не говоря уже о чувственной ихъ окраскѣ.

Бѣлинскій какъ-то высказалъ мысль, что почти всякій человѣкъ—романтикъ; мы же, примѣнительно къ нашему предмету, можемъ утверждать, что каждый человѣкъ романтикъ своего собственнаго дѣтства. Память дѣтства это своего рода альбомъ, на чистые листы котораго мы въ продолженіе всей послѣдующей жизни заносимъ самое лучшее, цѣнное, трогательное; это экранъ, на который волшебный фонарь воображенія бросаетъ неправдивыя, но красивыя картины. Что заставляетъ насъ разукрашивать прошлое, отчего оно намъ кажется преувеличенно хорошимъ и лучшимъ, чѣмъ настоящее, даже если настоящее въ сущности лучше, это уже было въ общемъ разъяснено, но наглядное понятіе дастъ слѣдующее сравненіе. Если, допустимъ, одна рука у меня когда-то была сильно ранена или ушиблена, но уже вполне зажила и въ настоящее время не болитъ, на другой же въ данную минуту есть ничтожная царапинка, то, несмотря на незначитель-

ность настоящаго поврежденія и серьезность старой раны, я буду предпочтительно опираться и вообще пользоваться рукой зажившей, а источником неудобствъ и страданія будетъ рука съ легкой царапиной. Это сравненіе вовсе не такъ далеко, какъ можетъ кому-нибудь показаться: непріятныя душевныя ощущенія имѣютъ очень много общаго съ механическими пораненіями, ихъ даже называютъ часто просто ударами. Сглаживаніе въ памяти испытанныхъ печалей имѣетъ также очень много сходнаго съ рубцеваніемъ и заживленіемъ раны; наконецъ, воспоминаніе, возстановленіе чего-нибудь въ сознаніи есть такая же работа организма, какъ механическое движеніе его мускуловъ. Къ прошлому мы возвращаемся, и оно кажется особенно заманчивымъ, если въ настоящемъ есть своя болячка, т.-е. что-либо тревожащее, досаждающее насъ, а такъ какъ безъ такихъ царапинъ почти ни одинъ день не обходится, то прошлое кажется вообще заманчивымъ. Въ минуты полнаго довольства судъ нашъ о прошломъ болѣе правиленъ, но даже и тогда мы не въ состояніи вполнѣ отрѣшиться отъ оптимизма по отношенію къ прошлому: дѣло въ томъ, что прошлыя непріятности, при воспоминаніи о нихъ, именно вслѣдствіе того, что они къ данному моменту уже прошли, усиливаютъ, по закону контраста, наслажденіе пріятнымъ настоящимъ. Свѣтлый колоритъ передается затѣмъ отъ настоящаго прошлому. Мы въ своемъ благодушіи чувствуемъ къ минувшимъ опасностямъ и бѣдствіямъ что-то въ родѣ расположенія, признательности за то, что онѣ миновали, и судимъ о нихъ опять-таки съ трогательною снисходительностью. Относительно юности, въ частности, Компаре объясняетъ еще естественную склонность превозносить ее «эгоизмомъ, личною нѣжностью къ тому возрасту, когда мы были молоды и сильны», но мнѣ это объясненіе кажется недостаточнымъ; вѣрнѣе, въ этомъ сказывается сама привязанность къ жизни. Дѣтство, юность—это начало и вмѣстѣ съ тѣмъ отошедшая для насъ въ вѣчность часть жизни,

и вотъ мы ее поминаемъ съ такимъ же чувствомъ, какъ поминаемъ, допустимъ, дорогихъ покойниковъ.

Наконецъ, поводомъ къ разукрапиванію воспоминаній о дѣтствѣ можетъ, пожалуй, служить сама по себѣ мало-содержательность, бѣлизна этого, какъ я уже выразился, альбома или экрана. Люди въ этомъ отношеніи очень похожи на древнихъ поэтовъ, которые пользовались чистыми полями дорогого пергамента имѣющихся у нихъ грамотъ, чтобы записывать свои поэтическія грёзы...

Намъ остается удостовѣрить, что дѣтство оставляетъ дѣйствительно въ памяти громадныя пробѣлы въ фактическихъ воспоминаніяхъ.

Вотъ что по этому поводу говоритъ извѣстный психологъ Компэре: «Что касается первыхъ лѣтъ жизни, то все пережитое за исключеніемъ одного-двухъ эпизодовъ, поглощается безвозвратно темною пропастью забвенія. Это полное безпамятство аналогично съ тѣмъ, которое слѣдуетъ за опьянѣніемъ или обнаруживается въ извѣстныхъ болѣзняхъ. Въ нашемъ сознаніи не остается ничего изъ видѣннаго, пережитого нами, ни первыхъ нашихъ радостей, ни первыхъ страданій. Ни одинъ лучъ воспоминанія не освѣщаетъ эти годы, потерянные для насъ, по крайней мѣрѣ для нашей памяти; ничто изъ нихъ не напоминаетъ, что мы жили».

Лучшимъ объективнымъ доводомъ, что память изъ дѣтства не сохраняетъ никакихъ впечатлѣній для позднѣйшей жизни,—можетъ служить тотъ неоднократно comprovированный фактъ, что лица, лишившіяся въ дѣтствѣ слуха и зрѣнія, ничего не помнятъ изъ того, чему научились во время своей нормальной жизни, и если въ послѣдующіе періоды органы ихъ чувствъ возстановятся, имъ приходится учиться называть цвѣта, знакомиться съ разстояніемъ и т. п.

Это замѣчательное явленіе объясняется между прочимъ тѣмъ, что всѣ впечатлѣнія въ дѣтствѣ носятъ разрозненный характеръ въ силу слабо дѣйствующаго интеллекта, которому предстоитъ роль объединяющаго начала. По

мѣръ того, какъ устанавливается прочная разумная связь между впечатлѣніями, послѣднія лучше сохраняются, по крайней мѣрѣ легче воспроизводятся *). Забывчивостью отличаются въ особенности дѣти въ періодъ, предшествующій усвоенію языка.

Воспоминанія о послѣдующемъ болѣе позднемъ дѣтствѣ и отрочествѣ у насъ, конечно, болѣе полны, но они далеко не достовѣрны. Этотъ возрастъ можно совершенно вѣрно назвать «миологическимъ періодомъ каждаго человѣка въ частности», когда воображаемое и вымышленное причудливо смѣшиваются съ испытаннымъ въ дѣйствительности. Возвращаясь въ послѣдствіи къ этимъ временамъ, зрѣлый человѣкъ особенно поддается «естественной склонности воображенія преобразовать и украсить все, что далеко отъ насъ». Даже великіе писатели не избавлены отъ этой слабости, и величайшій изъ поэтовъ, именно Гёте, далъ въ самомъ заглавіи своей автобіографіи похвальное признаніе, назвавъ ее «Поэзіей и Правдой» своей жизни.

Возьмемъ теперь случаи, когда человѣку приходится отъ этихъ личныхъ воспоминаній перейти сразу къ оцѣнкѣ чужихъ чувствъ.

Въ этомъ случаѣ сужденія его представляются еще менѣе достовѣрными. «Склонность украсить все, что далеко отъ насъ», проявится несомнѣнно и здѣсь, но къ ней могутъ примѣшаться совершенно посторонніе факторы: жалость, зависть и т. п. Въ общемъ можно установить два закона: I) что человѣкъ большею частью склоненъ игнорировать чужія страданія, тягостныя, вообще отрицательныя ощущенія и преувеличенно судить о чужомъ довольствѣи II) чѣмъ значительнѣе разница въ положе-

*) Что это объясненіе самое вѣрное, свидѣтельствуетъ между прочимъ и наблюденіе взрослыхъ надъ собою: несвязныя, непонятныя слова, бессодержательныя звуки запоминаются въ теченіе всей жизни трудно; труднѣе также каждому изъ насъ воспроизвести чьи-нибудь неправильныя выраженія, ложныя логическія построенія, чѣмъ содержательныя, безукоризненно изложенныя разсужденія.

ніи, состояніи, возрастѣ и т. д. данныхъ субъектовъ, тѣмъ труднѣе имъ сочувствовать другъ другу, слѣдовательно давать себѣ отчетъ объ испытываемомъ другимъ хорошемъ и дурномъ. Явные несообразности въ этомъ поражаютъ иногда насъ самихъ. Стоитъ только усталому, наприм., путешественнику проѣзжать вечеромъ мимо какого-нибудь селенія, и ему непременно покажется, что за мелькающими освѣщенными окошками царятъ нераздѣльно довольство и благополучіе, хотя разсудокъ и будетъ намъ твердить, что тамъ можетъ не смыкать глазъ забота, болѣзнь или нужда. Наоборотъ, засидѣвшійся дома обыватель провожаетъ съ завистью мчащіеся мимо вагоны, думая, что всѣ въ нихъ путешествуютъ ради удовольствія. Однимъ словомъ, сытый голоднаго не понимаетъ,—конечно и наоборотъ.

Несомнѣнно, въ силу одного и того же большого недоразумѣнія ребенокъ считаетъ неподобнымъ счастьемъ быть взрослымъ, но мы это объясняемъ его наивностью, а сами не лучше его считаемъ, въ силу той же путаницы, его-то возрастъ самымъ счастливымъ, а свойственная взрослымъ самонадѣянность исключаетъ дальнѣйшія сомнѣнія.

Въ заключеніе этихъ выводовъ приведу неподобное по своей правдивости и задушевности мѣсто изъ «Мыслей лѣнтая» Джерома: «Сквозь мягкую дымку времени все принимаетъ пріятное очертаніе, даже огорченія кажутся забавными. Дни дѣтства—теперь для насъ веселый праздникъ съ орѣхами и пряниками. Забыты строгіе выговоры, зубная боль и латинскіе глаголы,—особенно послѣдніе» *).

Мы этимъ ограничимся, такъ какъ считаемъ во всякомъ случаѣ доказаннымъ, что собственныя, личныя наши чувства и память чувствъ—далеко не безошибочные руководители при оцѣнкѣ душевнаго состоянія другого человѣка, въ особенности дитяти. Разъ мы желаемъ рѣшить нашу задачу приблизительно вѣрно, намъ придется привлечь въ помощь чувствамъ остальные силы души, разсудочныя

*) Такое же утвержденіе я нахожу еще у Жана Поля (Рихтера) Levana, § 43.

способности и воспользоваться аппаратом объективнаго научнаго изслѣдованія.

Распространяясь о ненадежности чувственной памяти и останавливаясь на способности нашихъ чувствованій измѣняться до неузнаваемости, мы подошли къ одной загадкѣ, въ которой выкристаллизовывается, такъ сказать, вся странность, скажу больше: кажущаяся несообразность, нашей чувственной жизни. Страніе и наслажденіе, радость и печаль, удовольствіе и неудовольствіе — вѣдь это два различныхъ полюса (крайности), противоположности, исключаютія какъ будто другъ друга. Какимъ же образомъ все это въ жизни соприкасается и смѣшивается, хотя бы въ отдаленномъ воспоминаніи, и смѣшивается ли оно въ дѣйствительности? Какъ это возможно, чтобы то, что другому доставляло страданіе, мною—каково бы ни было между нами различіе—считалось удовольствіемъ, чтобы мои собственныя страданія принимались мною по истеченіи какого угодно времени за удовольствіе, вспоминались пріятно? Вѣдь относительно чернаго, горячаго, кислаго, тяжелаго мы всѣ согласны, что оно черное, горячее, кислое, тяжелое. Черное, видѣнное въ дѣтствѣ, если оно вовсе не забыто, и въ старости сохраняетъ свою окраску, а не припоминается, какъ бѣлое. Огонь, обжегшій меня въ дѣтствѣ, вѣчно кажется мнѣ горячимъ, жгучимъ, а ледъ холоднымъ.

На это вотъ что можно возразить.

Ощущенія, въ родѣ только что приведенныхъ, свѣтотыя, осязательныя и т. п. это ощущенія элементарныя, непосредственныя, въ томъ именно смыслѣ, что они больше предопредѣляются внѣшней сообщающей ихъ намъ средой, воспринимаются нами болѣе пассивно, наружно, въ переработкѣ ихъ участвуютъ главнымъ образомъ спеціальныя органы внѣшнихъ чувствъ и въ силу этого они имѣютъ разъ навсегда опредѣленный характеръ, ихъ отпечатки сохраняются болѣе прочно, доподлинно. Вмѣстѣ съ тѣмъ

они—въ силу своей меньшей сложности—являются болѣе или менѣе общими для цѣлой массы субъектовъ, цѣлаго огромнаго вида или даже видовъ.

Дѣло нѣсколько иное съ удовольствіемъ и страданіемъ: ихъ психологи не называютъ даже ощущеніями или чувствами, а только *чувственнымъ тономъ* ощущеній. Удовольствіе и страданіе предопредѣляются въ меньшей сравнительно степени внѣшними факторами, а больше зависятъ отъ собственнаго нашего душевнаго и физическаго состоянія, т.-е. отъ мелкихъ, но постоянныхъ колебаній, прилива и отлива внутреннихъ силъ. На созданіе чувства удовольствія и неудовольствія вліяетъ большею частью вся душевная экономія, т.-е. къ мѣстнымъ ощущеніямъ примѣшиваются отголоски изъ постороннихъ областей сознанія. Вообще можно сказать, что удовольствіе и неудовольствіе зависятъ отъ измѣнчивыхъ, переходящихъ свойствъ нашего организма *) и являются сложной производной цѣлой массы процессовъ внутри насъ, между тѣмъ какъ элементарныя ощущенія, въ родѣ вышеприведенныхъ, являются результатомъ простыхъ сравнительно видовыхъ способностей. Простое, зрительное, слуховое и т. п. ощущеніе—это частичная реакція даннаго органа; испытываемое при этомъ удовольствіе или неудовольствіе—это реакція сложнаго организма на тотъ же возбудитель.

Отсюда—болѣе случайный индивидуальный характеръ удовольствія или неудовольствія. Поэтому также, когда мѣняется наша личность, когда мы растемъ, старѣемся, хвораемъ, оправляемся, устаемъ, скучаемъ, сыты или голодны, мѣняются и источники нашихъ удовольствій.

Люди вѣроятно видятъ всѣ цвѣта и формы одинаково,

*) Я не имѣю, конечно, въ виду *крайнихъ* случаевъ: такъ, напр., *разрушительное* воздѣйствіе огня, механическое и т. п. даютъ себя всѣмъ и всегда почувствовать, какъ острое страданіе, исключая развѣ рѣдкіе случаи полнаго извращенія при тяжелыхъ душевныхъ заболѣваніяхъ, когда больные съ видимымъ наслажденіемъ причиняютъ себѣ увѣчья и покушаются на свою жизнь.

но не всѣмъ одинаково нравится одинъ и тотъ же цвѣтъ и нравившійся раньше цвѣтъ можно впоследствии разлюбить. Если я отвѣдалъ разъ какого-нибудь яства, то я буду помнить, что оно солено, сладко или кисло, и узнаю и опредѣлю его вкусъ всегда, но въ дѣтствѣ я могъ къ нему чувствовать отвращеніе, а потомъ могу полюбить его, и память непріятнаго чувства можетъ совершенно исчезнуть и смѣниться пріятнымъ.

То же наблюдается по отношенію другихъ предметовъ, а также лицъ, занятій и т. д. Ко всему этому можно сначала пристраститься, затѣмъ все это можетъ надоесть, опостылѣть даже, а спустя нѣкоторое время мы опять можемъ ко всему этому возвратиться съ наслажденіемъ, не потому, что оно покажется инымъ, что мы не узнаемъ, а именно потому, что оно намъ вспомнится прежнимъ хорошо знакомымъ. Прихотливость, такая капризность является въ особенности при конституціональной слабости, неустойчивомъ здоровьи. Больнымъ, какъ извѣстно, нельзя ничѣмъ угодить, т.-е. доставить прочное удовольствіе. Извѣстны также причуды и прихоти жепщинъ, когда онѣ должны стать матерями, что несомнѣнно связано съ глубокими переворотами въ ихъ собственномъ организмѣ. Не менѣе извѣстны дѣтскіе капризы. Но какъ ни значительны эти перемѣны вкусовъ, эти отклоненія отъ ходячихъ понятій желаемаго, онѣ на спеціальныхъ органахъ чувствъ не отражаются, т.-е. данныя лица видятъ, слышать, осязають попрежнему; для того, чтобы и въ этой области получились измѣненія, такъ назыв. галлюцинаціи, нужны дальнѣйшія разрушительныя вліянія болѣзни.

Въ меньшемъ размѣрѣ сказанное непостоянство источниковъ удовольствія и неудовольствія обнаруживается у каждаго изъ насъ почти ежечасно. И первая и десятая рюмка вина будетъ для насъ имѣть все тотъ же винный вкусъ, но первую мы выпьемъ съ удовольствіемъ, а чтобы выпить десятую, мы должны будемъ сдѣлать надъ собою насиліе и она причинитъ намъ неудовольствіе. То

же самое можетъ быть сказано и о первой и десятой верстѣ прогулки и о многомъ другомъ. Всякое удовольствіе можетъ сдѣлаться «демяновой ухой», и въ свою очередь никто не прочь похлевать вчерашней «демяновой ухи», разъ сытость прошла.

Возьмемъ еще примѣры другого рода. Когда дѣти начинаютъ курить или пить изъ обезьянства, чтобы не отстать отъ другихъ, они должны превозмочь свое отвращеніе къ горькому, удушливому дыму и жгучей, непріятно пахнущей жидкости, нормальный ихъ организмъ протестуетъ очень энергично и даже неэстетично, а субъективное ихъ ощущеніе—несомнѣнное страданіе. Но вотъ они переломили натуру, привыкли къ табаку и спирту, нѣкоторые стали страстными курильщиками и пьяницами, ихъ организмъ приспособился къ новому режиму и теперь для него лишеніе табаку и водки неестественно, и они страдаютъ, когда не пьютъ и не курятъ.

Этотъ переменчивый характеръ удовольствія и неудовольствія былъ людьми подмѣченъ очень давно, и это наблюденіе привело пытливые умы къ дальнѣйшему правильному заключенію, что наслажденіе и страданіе имѣютъ общее начало. Еще въ древнее время Сократъ выражался бразно, что наслажденіе и страданіе—два родныхъ, но враждующихъ между собою брата, которыхъ боги въ наказаніе за ихъ несогласіе приковали къ одной цѣпи.

Нѣкоторые позднѣйшіе мыслители увлекались этимъ сродствомъ страданія и наслажденія и пытались объяснить одно другимъ, оспаривая дѣйствительность, самобытность одной группы явленій въ пользу другой.

Лейбницъ называлъ удовольствіе безконечно малыми страданіями; Кантъ, Шопенгауэръ, Гартманъ признаютъ только страданія положительными чувствованіями, а удовольствіе объясняютъ, какъ временное отсутствіе страданія, перерывъ въ нихъ.

Мы можемъ спокойно уклониться отъ этихъ отвлеченныхъ разсужденій. Для насъ и страданіе и удовольствіе

одинаково существуют, одинаково нами испытаны и одинаково поэтому реальны.

Важнѣе для насъ другое,—то, что особенно подчеркиваютъ поэты со времени Гомера, что, именно, ни радость, ни печаль не встрѣчаются на землѣ въ чистомъ, несмѣшанномъ, цѣльномъ видѣ, и что въ одномъ всегда есть примѣсь другого. Особенно это замѣтно въ радости.

Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставались они.

Но и наоборотъ: и въ горѣ есть, само по себѣ, что-то отрадное, свѣтлое. *Est quaedam flere voluptas* (есть извѣстное наслажденіе и въ плачѣ), говоритъ латинскій поэтъ Овидій. *Geheime Wollust liegt im Schmerz* (тайное наслажденіе содержитъ боль)—Гейне.

Отсюда уже вытекаетъ самое простое объясненіе, почему пріятно вспоминать о прошлыхъ страданіяхъ и наоборотъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не имѣется прямого, происходящаго по мановенію волшебнаго жезла превращенія страданія въ удовольствіе, его противоположность, но только явленіе гораздо болѣе понятное, именно то, что слабые задатки одного чувства, заброшенные въ противоположномъ, съ теченіемъ времени разрастаются въ нашей памяти въ ущербъ основному чувству *).

*) Болѣе полное, нравственное, толкованіе—то, что мы въ памяти сохраняемъ не столько воспоминаніе объ испытанномъ, сколько оцѣнку, поскольку благотворно или невыгодно отразилось пережитое на нашей личности. Что обогатило насъ какъ-нибудь, будь это страданіе даже, воспоминается пріятно; что причинило ущербъ, будь это даже наслажденіе,—съ неудовольствіемъ. Человѣкъ крѣпокъ не только заднимъ умомъ, но также и заднею моралью, одно отъ другого и трудно отдѣлать. Съ точки зрѣнія психологической я объясняю себѣ этотъ феноменъ такимъ образомъ, что воспоминаніе о пережитомъ горѣ или радости, говоря словами Рибо, интеллектуализируется, т. е. со временемъ перестаетъ въ насъ жить, какъ чувство, а продолжаетъ въ насъ свое существованіе только, какъ представленіе. При оживленіи его въ такомъ видѣ послѣ

Сейчасъ мы однако увидимъ, что факторы удовольствія и страданія отличаются другъ отъ друга скорѣе только количественно, нежели качественно, и это позволить намъ окончательно этотъ постоянный переходъ признать вполне естественнымъ, даже необходимымъ.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ при современномъ положеніи нашихъ знаній представляется теорія страданія и наслажденія.

Основой чувства удовольствія и неудовольствія считаютъ современные психологи движеніе, дѣятельность, жизнь. Я пользуюсь этими тремя понятіями, какъ близкими, тождественными, такъ какъ жизнь вездѣ и всегда сводится къ дѣятельности, а дѣятельность—къ движенію механическому, т.-е. массовому и частичному, дробному въ разныхъ химическихъ процессахъ, органическихъ отправленияхъ. Сказаннымъ, конечно, не исчерпывается еще жизнь, но исчерпывается все, что доподлинно о ней знаетъ точная, опытная наука.

Въ то время, какъ въ обычной жизни мы всегда склонны удовольствіе и неудовольствіе считать чѣмъ-то первичнымъ, что въ свою очередь ведетъ къ движеніямъ, побуждаетъ насъ къ дѣйствіямъ, ученый міръ принимаетъ обратный порядокъ.

«То, что мы называемъ пріятнымъ или непріятнымъ состояніемъ,—говоритъ Рибо въ введеніи въ свою «Психологію чувствъ», — представляетъ лишь внѣшнюю сторону аффективной жизни, внутреннее содержаніе которой составляютъ проявляющіяся въ движеніяхъ стремленія, влеченія, потребности, желанія... Чувственность есть способность стремиться или желать и вслѣдствіе этого испытывать удовольствіе или страданіе. Понятіе о стремленіи

болѣе или менѣе долгаго времени забвенія (т.-е. скрытаго, архивнаго существованія) это воспоминаніе сочетается съ новыми представленіями и опытами, что можетъ вызвать разнообразныя измѣненія въ прежней чувственной окраскѣ перваго. Но еще сильнѣе вліяетъ на преобразование воспоминаемаго аффективное состояніе данной минуты.

не заключаетъ въ себѣ ничего таинственнаго: стремленіе есть движеніе или прекращеніе зарождающагося движенія».

Устраняя несущественные оттънки, мнѣнія всѣхъ мыслителей можно свести къ слѣдующему положенію: «Наслажденіе ощущается всякій разъ, какъ душевная дѣятельность или дѣятельность какого-либо живого существа проявляется естественнымъ образомъ, т.-е. въ смыслѣ сохранения и развитія собственной особи. Наоборотъ, страданіе наступаетъ всякій разъ, какъ наша дѣятельность отвлекается отъ своей истинной цѣли и встрѣчаетъ какія-либо внѣшнія или внутреннія помѣхи для своего осуществленія».

«Удовольствіе есть побѣда жизни; страданіе есть пораженіе, смерть», говоритъ другой ученый.

Если мы теперь вспомнимъ, что всѣ мы «среди жизни окружены смертью», что сама жизнь есть постоянное обмираніе и возрожденіе организма и что неизбѣжнымъ финаломъ жизни является все-таки (личная) смерть, то намъ вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ ясно, почему намъ на землѣ нельзя избѣжать страданій, и на чьей сторонѣ, удовольствія или страданія, долженъ быть перевѣсъ.

Очень плодотворно для дальнѣйшаго уясненія сущности страданія и удовольствія представить себѣ организмъ, ощущающій то и другое, какъ огромную общину безчисленныхъ отдѣльныхъ простыхъ организмовъ, такъ называемыхъ клѣточекъ, которыя образуютъ отдѣльные ткани и органы, болѣе крупныя составныя части организма, что-то въ родѣ сословій, кастъ, корпорацій въ государствѣ.

Жизнь и благополучіе организма, какъ и государства, основаны на очень сложной коопераціи, сотрудничествѣ этихъ мельчайшихъ особей и ихъ болѣе и менѣе крупныхъ группъ. Частныя ихъ ощущенія, ихъ успѣхъ и неуспѣхъ, процвѣтаніе и увяданіе, банкротство отражаются и суммируются въ сознаніи, этой духовной метрополіи. Самочувствіе наше удовлетворительно, покойно, радостно, когда частныя функціи протекаютъ псправно, восполняя

взаимно и поддерживая другъ друга; но оно становится неудовлетворительнымъ, разъ въ какой-нибудь отдаленной части скрыто или явно пострадалъ организмъ. Тогда до сознанія доносятся тревожные сигналы, и въ отвѣтъ на нихъ развѣтвленная нервная система призываетъ на борьбу со зломъ весь организмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ его сочувствовать и сострадать. Очевидно, что теперь уже не можетъ быть рѣчи о хорошемъ общемъ самочувствіи. Какъ въ государствѣ сплотили отдѣльныхъ лицъ, роды и сословія, кромѣ любви, выгода и нужда, эгоистическая эксплуатація на ряду съ альтруистическимъ желаніемъ помочь, такъ же точно и между элементами организма существуетъ внутренняя борьба, и все спасеніе и благо въ томъ, что истинные частные интересы совпадаютъ и идутъ навстрѣчу общимъ; какъ въ сложномъ организмѣ, такъ и въ государствѣ.

Въ государствѣ только что упомянутыя стремленія ведутъ все-таки иногда къ возобладанію одного сословія и попранію интересовъ другого, нѣчто подобное наблюдается и въ организмѣ, но въ общемъ и массѣ существованіе государства предполагаетъ соглашеніе всѣхъ частныхъ интересовъ, а жизнь организма—гармонію во всѣхъ мелкихъ отправленіяхъ, т.-е., говоря иначе, горе одного сословія отражается на всемъ общественномъ строѣ, а состояніе отдѣльныхъ тканей и органовъ обуславливаетъ самочувствіе особи.

Изъ вышесказаннаго не трудно себѣ объяснить какъ роль удовольствія и страданія, такъ и причину, почему они, именно, какъ цѣлесообразныя способности, сохраняются и совершенствуются путемъ наслѣдственнымъ. Страданіе предупреждаетъ и противодействуетъ опасности, угрожающей цѣлостности организма, удовольствіе наталкиваетъ его на все какъ-нибудь полезное. Если удовольствіе не всегда является надежнымъ руководителемъ и вводитъ часто на ложные пути, то это объясняется только что упомянутымъ возобладаніемъ частныхъ инте-

ресовъ надъ общими, когда чудная максима: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ» искажается и замѣняется пагубнымъ для всѣхъ и каждого, именно: всѣ для немногихъ.

Выяснивъ сложный, организованный, такъ сказать, характеръ удовольствія и страданія, намъ полезно будетъ ознакомиться съ элементарными условіями возникновенія того и другого. Ученые, отождествивъ жизнь съ дѣятельностью, ставятъ послѣднюю въ непосредственную связь съ физико-химическими процессами, т.-е. до извѣстной степени разсматриваютъ организмъ, какъ механизмъ, накаплиющій постоянно и расходующій силы.

Въ равномѣрной, безпрепятственной переработкѣ энергіи, въ счастливомъ балансѣ прихода и расхода силъ они усматриваютъ ключъ нашего довольства.

«Возбужденіе пріятно, когда трата въ нервной системѣ *вознаграждается вполне питаніемъ*» или «когда расходуется *излишекъ скрытой силы* нервныхъ элементовъ», по мнѣнію другихъ. Русскій ученый Гротъ, объясняя пріятный и непріятный тонъ ощущеній различнымъ соотношеніемъ *работы* какой-нибудь ткани организма (т.-е. возбужденія) *къ энергіи* ея, производительности, трудоспособности (т.-е. способности разрядить безъ ущерба для себя извѣстное количество скрытой силы), устанавливаетъ два вида какъ удовольствія, такъ и страданія.

«Положительное удовольствіе сопровождается всякое соотвѣтствіе между тратой матеріала и предшествовавшимъ ей накопленіемъ его. Оно выражается наслажденіемъ—чувствованіемъ, сопровождающимъ посильную работу.

«Отрицательное удовольствіе сопровождается всякое накопленіе вещества соотвѣтственно предшествовавшей ему тратѣ. Оно выражается отдыхомъ, восстановленіемъ.

«Положительное страданіе сопровождается всякій *избытокъ траты* вещества сравнительно съ предшествовавшимъ ему накопленіемъ. Оно выражается усталостью, истощеніемъ и даже изнуреніемъ».

«Отрицательное страданіе сопровождается всякій *избытокъ*

накопленія вещества сравнительно съ его тратой. Оно вызывается лишеніемъ привычнаго раздражителя и выражается потребностью дѣятельности».

Это равномѣрное качественное распредѣленіе вовсе, конечно, не заставляетъ еще допускать количественнаго уравненія страданій и удовольствій. Такъ, между прочимъ, 2-ая группа, такъ называемыя отрицательныя удовольствія, едва заслуживаетъ названія удовольствія. Это скорѣе индифферентное состояніе, которое кажется намъ привлекательнымъ во время и послѣ мукъ труда. Чтобы это безразличное состояніе причислять къ удовольствіямъ, надо развѣ стать вообще на точку пессимистовъ, которые всякое удовольствіе считаютъ лишь простымъ прекращеніемъ страданія.

Данная Гротомъ классификація ощущеній имѣетъ для насъ ту важную сторону, что обращаетъ наше вниманіе на особенный источникъ страданій, который не достаточно въ обыденной жизни принимается въ расчетъ. Обыкновенно судятъ односторонне, что только чрезмѣрный трудъ, переутомленіе вредно и непріятно для человѣка. Изъ приведенныхъ словъ Грота мы видимъ однако, что и накопленіе ненаходящихъ для себя примѣненія и исхода силъ отражается дурно на человѣкѣ, приблизительно, какъ въ машинахъ вредно накапливать чрезмѣрно много пара, электрической энергіи и т. п. Мнѣ не нужно объяснять, что это тлетворное состояніе можетъ въ жизни являться при разныхъ обстоятельствахъ: и сплинъ разлѣнившагося богача, и уныніе узника, и муки ребенка въ пеленкахъ или на школьной скамьѣ во время безконечныхъ пяти часовъ относятся сюда же. Поговорка о бѣснующихся съ жиру въ грубой формѣ, но совершенно правильно характеризуетъ мучительное состояніе, названное только что отрицательнымъ страданіемъ—только пользующійся этой поговоркой народъ обыкновенно упускаютъ изъ виду, что бѣснованіе, отъ чего бы оно ни происходило, мучительно для самого бѣснующагося.

Страданіе осаждаеть человѣка такимъ образомъ съ двухъ сторонъ: имя одного сонма мукъ—минусъ, «слишкомъ мало»,—это разные виды недостатка, голода, скуки; имя второго — плюсъ, «слишкомъ много»,—это область излишествъ, переутомленія, пресыщенія, чрезмѣрнаго раздраженія. Еще точнѣе будетъ выражено то, что происходитъ съ нашимъ чувствилищемъ, если употребимъ другой образъ и скажемъ, что жизнь отправляетъ человѣка въ путь подъ двойнымъ конвоемъ: впереди насъ шествуетъ истощеніе, сзади—застой; оба обращаютъ къ намъ свои штыки, а мы должны попадать имъ въ ногу, что часто не удается.

Было бы лишнимъ задаваться вопросомъ, какое изъ двухъ золъ хуже: тѣма ли непроницаемая или рѣжущій, ослѣпляющій свѣтъ, мертвящая ли тишина или оглушительный шумъ, праздность ли прикованнаго къ кровати больного, бездѣлье заключеннаго, неприменимость силъ вышибленнаго изъ колеи, обойденнаго или обремененность усталыхъ труженниковъ. Займемся лучше тѣмъ маленькимъ свѣтлымъ промежуткомъ, который остается—между Сциллою отрицательнаго и Харибдой положительнаго страданія—для нашего удовольствія. Къ сожалѣнію, эта хорошая полоса очень мала. Природа, такъ сказать, заклеила насъ печатью физической посредственности, и только умѣренная дѣятельность и ощущенія средней силы намъ оказываются полезными и воспринимаются нами, какъ удовольствіе (Спенсеръ, Вундтъ). Намъ нравится прежде всего роль зрителей всякаго тяжелаго дѣла, а затѣмъ несерьезная, непродолжительная разсѣянная дѣятельность, которая носитъ названіе забавы, дилетантизма; намъ нравится умѣренный свѣтъ, средней силы музыкальные звуки. «Мы любимъ, чтобы наши кушанья были нѣсколько солеными, намъ пріятны слегка горькій и кислый вкусы». Благодаря слабости нашей, любое пріятное ощущеніе, усилившись или продолжившись, исчерпываетъ сейчасъ наши силы, которыя оно было призвано занять, и нару-

паетъ въ другую сторону гармонію, которую только что исполнило.

Примѣнительно къ дѣтямъ нужно предположить, что полоса довольства должна быть еще уже, чѣмъ у взрослыхъ, съ одной стороны потому, что быстрый ростъ способствуетъ накопленію постоянныхъ излишковъ энергіи, что и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ пресловутую дѣтскую неугомонность и ихъ скучаніе (отриц. страданіе), съ другой, въ силу малой трудоспособности своей, дѣти легче подвержены переутомленію и пресыщенію т.-е. испытываютъ также чаще положительное страданіе. Что же касается удовольствій, то теоретическія соображенія заставляютъ насъ думать, что положительныя удовольствія, единственно заслуживающія этого названія, — имъ доступны только на краткіе промежутки времени, именно, въ силу малаго каждый разъ запаса наличныхъ силъ въ нихъ.

Опредѣлить норму всѣхъ пассивныхъ и активных ощущеній для дѣтей гораздо труднѣе, чѣмъ для взрослыхъ. Переходъ отъ «слишкомъ мало» къ «слишкомъ много» у нихъ неуволнимъ почти, и поэтому мы не находимъ ничего лучшаго часто, какъ упрекать ихъ въ капризахъ. Я готовъ сравнить смѣну ихъ ощущеній съ размахами маятника, который въ точкѣ равновѣсія, сравнительно съ ко-
сыми своими положеніями, пребываетъ крайне недолго.

Впрочемъ, соотношенія страданія и удовольствія я не сумѣю болѣе мѣтко выразить при помощи цѣлаго ряда скучныхъ опредѣленій, чѣмъ это сдѣлалъ Гейне въ двухъ изящныхъ картинкахъ. Геніальный поэтъ изобразилъ общечеловѣческую участь, и его стихи одинаково примѣнимы ко всѣмъ возрастамъ.

Вѣдь счастье—дѣвочка пустая—
На мѣстѣ не сидится ей;
Откинетъ волосы да чмокнетъ
Разокъ, другой, и прочь скорѣй!

Старуха горе такъ любовно
Тебя къ груди своей прижметъ,

Все говорить, что ей не къ спѣху...
И знай сидить съ тобой да шить...

Изучивъ общія условія возникновенія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній и давъ этимъ чувствамъ широкое біологическое толкованіе, мы должны перейти къ нашей собственной темѣ, сосредоточиться на ребенкѣ и особенностяхъ его возраста въ смыслѣ переживаемыхъ имъ впечатлѣній. Но я боюсь, что въ изложенной уже общей части моей бесѣды замѣтятся два крупныхъ пробѣла.

Я, во-первыхъ, говорилъ преимущественно о фізіологическихъ источникахъ удовольствія и неудовольствія и обошелъ молчаніемъ всю область высшихъ чувствъ. Я это сдѣлалъ вовсе не потому, что исповѣдую грубый матеріализмъ, но только потому, что основные жизненные законы, какъ это видно было между прочимъ изъ нашего сравненія организма съ государствомъ, одинаковы въ низшихъ и высшихъ проявленіяхъ: то, что распространяетъ страданіе одной ткани на весь организмъ и привлекаетъ силы всего тѣла для борьбы съ мѣстнымъ недугомъ, то и въ обществѣ сказывается въ видѣ сочувствія, солидарности, патріотизма, человеколюбія. Какъ любая клѣтка не живетъ только своею жизнью, но живетъ вмѣстѣ и жизнью организма, такъ жизнь человѣка не ограничивается его особою. выходитъ далеко за видимые предѣлы его личности и находится въ неразрывной связи съ семьей, государствомъ, человѣчествомъ. Достаточно какого-нибудь важнаго событія, чтобы эти обыкновенно незамѣчаемыя нити чувствительно напряглись и позволили намъ осознать, что мы только члены, часть коллективной высшей единицы.

Вызванное потерей семьи или общественнаго положенія душевное страданіе развѣ не является параллельно съ разстройствомъ физической жизни. Послѣ смерти близкаго человѣка, кажется, будто намъ самимъ недостаетъ части себя и чувствуешь, что нельзя жить полной прежней жизнью. Нравственные пороки ставятъ все чаще и

чаще въ связь съ нездоровой тѣлесной организаціей. Моральная смерть ведетъ часто прямо или косвенно къ физиологической. Идейное равновѣсіе устанавливается въ томъ же точно порядкѣ, какъ и приспособленіе физическое, и нарушеніе въ томъ и другомъ отражается одинаково болѣзненно. Взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ бытія—тѣла и души—такъ тѣсно, что мы въ правѣ сказать: нѣтъ душевныхъ страданій безъ тѣлесныхъ и тѣлесныхъ безъ душевныхъ *).

Подобно тому, какъ физическое удовольствіе всегда находится въ связи съ жизненностью, усиленною дѣятельностью извѣстной части организма или всего тѣла, а страданіе свидѣтельствуетъ о заторможенной жизнедѣятельности, такъ и нравственные и интеллектуальныя радости могутъ быть сведены къ эволюціи нашей духовной личности или преуспѣянію и росту той человѣческой группы, коллективной единицы, съ которой мы въ данную минуту чувствуемъ себя солидарными *).

Останавливаясь на физическихъ источникахъ страданія и удовольствія, мы выиграли только въ отношеніи наглядности, не говоря уже о томъ, что этотъ путь указанъ исторіей развитія и что сама наша тема, именно чувства дитяти, заставляетъ обращать вниманіе на низшія физиологическія явленія жизни предпочтительно передъ болѣе поздними интеллектуальными. Всѣ идеальныя чувства опираются въ своихъ зачаткахъ на грубыхъ инстинктахъ. «Привязанность къ матери,—замѣчаетъ остроумно одинъ авторъ,—у младенца вначалѣ только любовь гастронома»... Но должно ли это кого-нибудь смущать? Возвышенное остается возвышеннымъ, если оно и вознеслось изъ праха земли, какъ рѣшительно все земное. Напротивъ, незначительное происхожденіе всего, чѣмъ мы дорожимъ и что цѣнимъ, должно наглядно насъ убѣждать о всемогуществѣ эволюціи и прогресса на землѣ и вдохновлять насъ для этого благодѣтельныйшаго изъ міровыхъ законовъ.

*) Рибо начинаетъ главу о нравственномъ страданіи слѣдующими сло-

Второй пробѣлъ, который къ сожалѣнію останется фактически незаполненнымъ,—это недостающее послѣднее и самое важное слово во всей приведенной только что теоріи чувствъ. Мы ощущенія и чувствованія объяснили внѣшними явленіями жизни: ея борьбою, развитіемъ и гибелью, свели чувства къ движеніямъ, но не досказали, какъ эти движенія, эти объективныя для насъ, извнѣ наблюдаемыя нами явленія переходятъ въ насъ самихъ и другихъ въ то субъективное, сознательное, что называется чувствомъ. Это, какъ я уже упомянулъ, останется недосказаннымъ—не вслѣдствіе однако моего только личнаго безсилія и невѣдѣнія. Мы подошли вообще къ границѣ человѣческихъ знаній, которая, если вѣрить словамъ знаменитаго фізіолога Дюбоа-Реймона, останется непроницаемой для человѣчества навсегда *).

Будемъ утѣшаться тѣмъ, что и въ предѣлахъ доступнаго есть слишкомъ много захватывающаго и важнаго, на что можетъ уйти все наше вниманіе. Къ такимъ интересамъ принадлежитъ и выдвинутый нами вопросъ о зло-

вами: „Вступаемъ ли мы въ другой міръ и мѣняется ли предметъ нашего изученія при переходѣ отъ физическаго страданія къ нравственному? Нисколько... Цѣль этой главы—показать, что, въ сущности говоря, между физическимъ и нравственнымъ страданіемъ существуетъ, наоборотъ, полное тожество, что различіе между ними заключается только въ исходномъ пунктѣ: первое связано съ ощущеніемъ, второе съ какимъ-нибудь представленіемъ, образомъ или идеей“. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія Рибо приводитъ слова автора „Философін безсознательнаго“. „Болятъ ли у меня зубы, палецъ или желудокъ, потерялъ ли я жену, друга или мѣсто, если во всѣхъ этихъ случаяхъ выдѣлится то, что составляетъ страданіе и только страданіе и не можетъ быть смѣшано съ воспріятіемъ, идеей или мыслью, то мы увидимъ, что этотъ спеціальный элементъ во всѣхъ случаяхъ остается одинъ и тотъ же“.

*) „Наше сознаніе не можетъ быть объяснено условіями матеріальными не только при настоящемъ уровнѣ познаній, съ чѣмъ всѣ согласятся, но не можетъ по своему существу быть объяснено этими условіями никогда. Принципіально невозможно объяснить путемъ какихъ бы то ни было механическихъ соображеній, почему аккордъ Кенига доставляетъ удовольствіе, а прикосновеніе раскаленнымъ желѣзомъ—боль“.

получіи и благополучіи дѣтства, которое вмѣщаетъ въ себѣ и память безвозвратнаго нашего прошлаго и надежды на наше возрожденіе, наше будущее.

Во всей жизни дитяти нѣтъ, кажется, ни одного момента, который вызвалъ бы столько разсужденій и комментаріевъ, сколько посвящено самому вступленію человѣка въ жизнь, первому плачу и первымъ ощущеніямъ новорожденнаго. Не будемъ уже останавливаться на принадлежащемъ древнѣйшей народной мудрости глубокомысленномъ сопоставленіи перваго плача и послѣдней посмертной улыбки, приведемъ только изъ старинныхъ писателей чудное мѣсто о новорожденномъ въ философской поэмѣ Лукреція: «Подобно моряку, выброшенному жестокими волнами, лежитъ на землѣ ребенокъ, голый, безъязычный, безпомощный самъ по себѣ для жизни. Лишь только природа съ усиліями исторгнетъ его изъ лона матери на свѣтъ, онъ оглашаетъ мѣсто жалобными криками, какъ и слѣдуетъ тому, кому въ жизни предстоитъ пройти черезъ столько золь».

По силѣ и поэтичности приведенному не уступаетъ и то, что мы находимъ въ христіанской литературѣ. Примѣромъ можетъ прежде всего служить отрывокъ изъ текста Реквіемъ.

„Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали
Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ,
Въ это мгновенье ему не сказали:
Выборъ свободенъ—живи или нѣтъ“.

«Въ тотъ самый моментъ,—пишетъ одинъ французскій мыслитель 17-го столѣтія,—когда младенецъ покидаетъ мракъ и впервые видитъ свѣтъ, его охватываетъ внѣшній холодъ, самые нѣжные поцѣлуи принимающей его женщины оскорбляютъ его нѣжные члены, всѣ внѣшніе предметы поражаютъ его; они всѣ его пугаютъ, такъ какъ онъ ихъ еще не знаетъ, а самъ по себѣ не имѣетъ силы отъ нихъ защититься и бѣжать. Слезы и крики, кото-

рыми онъ защищается, неоспоримо доказываютъ его страданія и испугъ; въ сущности это молитва къ присутствующимъ, данная ему природой, чтобы они защитили его отъ уже испытываемыхъ и еще предстоящихъ страданій».

Съ меньшею жалостью къ дитяти, но, пожалуй, большею за то пытливостью и обстоятельностью приступаетъ къ нашему предмету великій Кантъ, и его мысли помогутъ намъ перейти къ спокойной объективной оцѣнкѣ состоянія человѣка сейчасъ послѣ появленія на свѣтъ. Вопросъ о первомъ крикѣ дитяти, повидимому, сильно интересовалъ кѣнигсбергскаго мудреца, такъ какъ онъ къ нему возвращается нѣсколько разъ въ разныхъ сочиненіяхъ. «Крикъ, который испускаетъ едва родившееся дитя,—говоритъ онъ,—вовсе не имѣетъ отбѣлка вопля, но возмущенія и взрыва гнѣва, не отъ боли, но изъ досады по какому-то поводу. Вѣроятно потому, что оно хочетъ двигаться и свое безсиліе ощущаетъ, какъ стѣсненіе, лишающее его свободы. Что можетъ имѣть въ виду природа, заставляя дитя являться на свѣтъ съ крикомъ который, при грубыхъ, первобытныхъ условіяхъ жизни представлялъ какъ для самого дитяти, такъ и для матери его даже большую опасность? Потому что этимъ крикомъ могли быть привлечены волкъ или даже свинья пожрать дитя въ отсутствіе матери или въ моментъ ея послѣродовой слабости. Ни одно изъ животныхъ, кромѣ человѣка (въ настоящемъ его видѣ), не заявляетъ громко о своемъ существованіи во время рожденія, что, повидимому, устроено мудростью природы, чтобы сохранить видъ».

«Необходимо, слѣдовательно, предположить, — заключаетъ Кантъ,—что въ прежнія эпохи, именно въ періодъ грубой дикости, голосъ младенца въ минуту рожденія не раздавался. Вслѣдъ за этой-то эпохой, повидимому, послѣдовала вторая, когда уже родители достигли той ступени культуры, которая необходима для домашней жизни. При этомъ однако намъ неизвѣстно, какимъ образомъ и

въ силу содѣйствія какихъ причинъ прибѣгнула природа къ этому развитію».

Въ настоящее время мы находимся въ счастливомъ положеніи и можемъ въ современныхъ опытныхъ наукахъ психологіи и фізіологіи найти удовлетворительный отвѣтъ на занимавшій великаго мудреца вопросъ. Плачъ новорожденнаго въ моментъ появленія на свѣтъ объясняется прежде всего, какъ «простой рефлексъ, сильное сокращеніе мускулатуры грудной клѣтки и грудо-брюшной преграды, вызванное вліяніемъ холода на кожу новорожденнаго и недостаткомъ кислорода въ легкихъ» (Kussmaul). У дѣтенышей животныхъ кожа защищена относительно хорошо шерстью и у нихъ, по крайней мѣрѣ, одной причиной меньше испускать крики. Такое объясненіе, а равно и то обстоятельство, что крикъ при рожденіи издается даже недоразвитыми, лишенными мозга, организмами, можетъ склонить къ отрицанію какого бы то ни было участія въ немъ психики. Но, съ другой стороны, не мѣшаетъ первый крикъ младенца разсматривать, какъ унаслѣдованное, первично произвольное дѣйствіе (призывъ на помощь, устрашеніе врага), получившее свой привычный (инстинктивный и даже импульсивный) характеръ путемъ подбора и наслѣдственной передачи *). Иначе трудно было бы объяснить, почему именно только у людей новорожденные издають крикъ, между тѣмъ какъ всѣ фізіологическія условія, за исключеніемъ развѣ обнаженія кожи, одинаковы, какъ для человѣка, такъ и дѣтенышей животныхъ (отдѣленіе отъ послѣда, измѣненіе кровообращенія и т. д.). Самымъ заманчивымъ мнѣ кажется предполо-

*) Хотя голосомъ пользуются дѣлсообразно въ упомянутыхъ случаяхъ (тревоги и т. п.) и животные, но несомнѣнно въ пользу человѣка существуетъ разница въ степени и мѣрѣ: человѣкъ, какъ самое общественное и общительное существо, долженъ быть признанъ и за самое „звукотлиное“, *vulgo* крикливое. Впрочемъ, вмѣсто этого соціологическаго толкованія мы сейчасъ дадимъ болѣе убѣдительное фізіологическое, которое основывается на интересной теоріи Геккера.

женіе, что нормальный ребенокъ испускаетъ крикъ въ моментъ прихода на свѣтъ подѣ вліяніемъ чего-то въ родѣ кошмара, вызваннаго перерывомъ кровообращенія съ материнскимъ организмомъ (послѣдомъ) и жаждой воздуха (Гёфдингъ).

Вообще крикъ, плачь, а далѣе и смѣхъ, если и не составляютъ исключительной привилегіи рода человѣческаго, то во всякомъ случаѣ ему болѣе всего присущи, у него выступаютъ сильнѣе всего и болѣе всего разнообразятся. Въ свою очередь, изъ всѣхъ возрастовъ плачутъ и смѣются больше всего дѣти, почему не лишне будетъ сказать объ этихъ спазмахъ еще нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что они находятся въ такой тѣсной связи съ самочувствіемъ дитяти и служатъ самымъ обычнымъ признакомъ его радости и горя.

Изысканія по фізіологіи нервной системы, дыханія и кровообращенія выяснили значеніе смѣха, плача и крика, какъ важнаго приспособленія, регулирующаго давленіе въ мозгу нашемъ, въ томъ именно смыслѣ, что эти спазмы предотвращаютъ внезапное паденіе давленія. Мы не можемъ здѣсь приводить всѣхъ подробностей, скажемъ только, что нервныя возбужденія, передаваясь черезъ симпатическую нервную систему гладкимъ мускуламъ кровеносныхъ сосудовъ, вызываютъ ихъ сильное суженіе, уменьшеніе ихъ просвѣта, что, въ свою очередь, влечетъ за собою сильный отливъ крови отъ периферіи. Этимъ-то объясняется, что потрясенный нервно человѣкъ блѣднѣетъ, и какъ будто сразу худѣетъ, глаза его уходятъ глубоко въ глазныя впадины, оконечности холодѣютъ. Но въ то время, какъ упругость покрова оконечностей и туловища легко примѣняется къ колебанію въ объемѣ разныхъ частей тѣла, вслѣдствіе прилива и отлива въ нихъ крови, въ мозгу, помѣщенномъ въ твердой коробкѣ черепа, эти измѣненія притока крови вызывали бы вредное колебаніе давленія, тѣмъ болѣе, что мозгъ очень обильно орошается кровью и въ среднемъ

вмѣщаетъ въ себѣ пятую часть всего ея запаса въ нашемъ тѣлѣ, распредѣленную по безконечной сѣти сосудовъ. Чтобы оградить мозгъ отъ вредныхъ колебаній давленія, какъ въ положительную, такъ и отрицательную сторону, имѣются разныя регулирующія приспособленія *).

Извѣстно далѣе, въ какой тѣсной связи и взаимной зависимости находится съ кровообращеніемъ дыханіе. Для нашей цѣли необходимо имѣть въ виду, что всякое вдыханіе способствуетъ въ силу опусканія грудобрюшной преграды и растягиванія грудной клѣтки накопленію крови въ этой послѣдней; наоборотъ, выдыханіе замедляетъ теченіе (венозной) крови къ сердцу и ускоряетъ теченіе (по артеріальнымъ сосудамъ) отъ сердца къ периферіи. Если далѣе примемъ во вниманіе, что смѣхъ, плачъ, стоны, крики, въ сущности, сводятся или, по крайней мѣрѣ, всегда сопровождаются сильными продолжительными выдыханіями на смѣну съ краткими вдыханіями, то намъ станетъ яснымъ, что эти припадки въ одно и то же время препятствуютъ приливу крови къ легкимъ и сердцу и обѣдненью кровью отдаленнаго мозга, т.-е., иными словами, что эти спазмы, выкачивая кровь изъ грудной полости, противодействуютъ уменьшенію давленія въ черепной полости, которое должно было бы возникнуть въ сильной степени при суженіи, подъ вліяніемъ раздраженныхъ нервовъ, крайне многочисленныхъ въ мозгу кровеносныхъ сосудовъ **). Поэтому, напр., какъ только испугавшійся или

*) Присутствіе liquor cerebralis, постепенное только окостенѣніе, такъ назыв. „родничка“.

**) Читателя можетъ поразить, что мы смѣхъ ставимъ рядомъ съ плачемъ и стонами: съ точки зрѣнія функциональной между первымъ и послѣдними явленіями нѣтъ такого существеннаго различія, а тѣмъ болѣе противоположности, какъ принято полагать въ обществѣ. Появленіе того или другого симптома гораздо болѣе зависитъ отъ силы раздражителя, чѣмъ отъ его качества, какъ равно субъективный чувственный тонъ, т.-е. пріятный и непріятный характеръ даннаго возбужденія, намъ выше удалось свести къ чисто количественнымъ отношеніямъ. „Болѣзненный крикъ и радостный смѣхъ суть только видоизмѣненныя формы

иначе огорченный субъектъ раздражается плачемъ, мертвенная блѣдность лица уступаетъ мѣсто румянцу, а послѣ плача глаза долго остаются красными.

Кромѣ регулированія кровообращенія, плачь и смѣхъ имѣютъ еще и въ другомъ отношеніи благотворное вліяніе на нашъ мозгъ. Уменьшая временно въ силу затрудненнаго дыханія притокъ кислорода къ легкимъ, они этимъ путемъ понижаютъ жизненность организма и ослабляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбудимость мозга, вслѣдствіе чего дальнѣйшее вредное воздѣйствіе вызвавшей плачь причины значительно слабѣетъ (Спенсеръ). Плачь и смѣхъ — это естественныя успокаивающія и болеутоляющія средства, своего рода физиологическій наркотикъ.

То, что ребенокъ въ сравненіи со взрослыми крайне часто плачетъ и смѣется, свидѣтельствуешь, конечно, о томъ, что онъ много получаетъ впечатлѣній, съ которыми иначе не справилась бы его незакаленная, чувствительная нервная система и слабая организація. Сравнительно же рѣдкій плачь и смѣхъ у взрослыхъ свидѣлствуютъ отчасти о нѣкоторой притупленности ихъ чувствъ; но у взрослыхъ имѣется также другой способъ борьбы со слишкомъ интенсивными впечатлѣніями, — это, именно, интеллектуализація ихъ, т.-е. способность воспринимать все раз-

простого выдыханія“. Мы знаемъ, что можно смѣяться до слезъ, плакать отъ радости, извѣстны также плачь и смѣхъ истеричный, хохотъ отчаянія, озлобленія. Величайшіе юмористы были самые несчастные, многострадальные люди: Гоголь, Гейне. Чтобы привести данныя изъ дѣтской жизни, укажемъ на то, что у младенцевъ часто выступаютъ слезы во время сосанія, а далѣе на наблюденіе проф. Сикорскаго, что „дѣти, которыя наиболѣе склонны къ плачу, проявляютъ наклонность къ безтолковому, неуправляемому судорожному смѣху. Изъ примѣровъ, приводимыхъ уважаемымъ ученымъ изъ воспитательнаго дома (II, 26—8), видно, что одна и та же причина — недостаточное питаніе, кормленіе рожкомъ — можетъ обусловить, какъ плаксивость, такъ и склонность къ смѣху, которая исчезаетъ, если возстановляется нормальный режимъ жизни ребенка. Прейеръ упоминаетъ объ истерическомъ, мгновенно быстромъ переходѣ отъ громкаго плача со слезами къ смѣху, замѣчающемся у трех- и четырехлѣтнихъ дѣтей и не представляющемъ ничего болѣзненнаго.

посторонне, большею областью нервной системы, подставлять, такъ сказать, подъ давленіе больше точекъ. Получивъ какую-нибудь непріятность, взрослый занимается приисканіемъ средствъ облегчить свое положеніе, старается изъ зла извлечь пользу, найти хорошія стороны, ищетъ, наконецъ, утѣшенія въ своемъ міросозерцаніи, вѣрѣ; трудно что-нибудь подобное найти у ребенка, который обыкновенно и горю, и радости предается всецѣло, беззащитно. Но мы забѣжали немного впередъ.

Возвращаясь къ Канту, послѣ нашей экскурсіи въ область фізіологіи, мы только можемъ присоединиться къ его предположенію о двухъ разныхъ эпохахъ: первой, когда человѣкъ и его условія жизни мало разнились отъ остального царства животныхъ, и когда нервная система не требовала особаго попеченія со стороны природы; тогда *внѣшняя* опасность, о которой говоритъ Кантъ—звѣри, дѣлала бы крики рожаемаго ребенка и самой роженицы дѣйствительно крайне нецѣлесообразными, и ихъ трудно въ это время предположить; и второй, болѣе поздней, когда, благодаря общежитію и вообще возобладанію человѣческой культуры разрѣшающаяся отъ бремени женщина была вполне ограждена отъ всѣхъ *внѣшнихъ* опасностей, и когда вмѣсто нихъ развитіе нервной системы и усилившаяся чувствительность и изнѣженность всего организма создали *внутреннія* органическія опасности, въ силу которыхъ то, что прежде было нецѣлесообразнымъ, стало цѣлесообразнымъ. Ребенокъ въ моментъ рожденія обладаетъ уже сравнительно крупнымъ *), но полужидкимъ мозгомъ и крайне нѣжной, какъ и весь организмъ, остальной нервной системой. Въ моментъ прихода на свѣтъ на него обрушивается сразу со всѣхъ сторонъ

*) Насколько мнѣ извѣстно, всѣ мечущія животныя въ отличіе отъ рождающей женщины не издаютъ вовсе звуковъ или только очень слабыя стоны.

**) Головной мозгъ у новорожденного составляетъ не менѣе 13—14% массы тѣла (у взрослыхъ лишь 2,37%).

столько раздражителей, что спасительный рефлексъ, за который мы признали плачь и крикъ, ему не менѣе необходимъ, чѣмъ былъ нуженъ во время болевыхъ приступовъ его матери-родильницѣ.

Нужно немного наблюдательности, или вѣрнѣе самонаблюденія, чтобы убѣдиться, что стоны, плачь и крики во время страданія не раздаются попусту, и что они, кромѣ упомянутыхъ объективныхъ явленій, даютъ субъективное ощущение облегченія. Опытные хирурги, дѣлая операцію безъ хлороформа, рекомендуютъ своимъ пациентамъ не воздерживаться отъ криковъ.

Всѣ писатели, отзывы которыхъ о первомъ моментѣ жизни человѣческой мы привели, судятъ нѣсколько преувеличенно о душевной жизни новорожденнаго, поэтизируютъ ее, приписываютъ младенцу чуть не чувства и представленія взрослого. Я могъ бы эти цитаты дополнить еще фантастичнымъ мнѣніемъ громкаго въ свое время Гегеля, который въ крикъ ребенка слышалъ властный голосъ будущаго царя творенія, на порогѣ жизни уже приказывающаго внѣшней природѣ признать его и служить ему. Мишле, ученикъ Гегеля, напротивъ, усматривалъ въ крикъ дитяти «ужасъ духа, пораженнаго подчиненностью человѣка природѣ». Все это сказано очень красиво, но мало убѣдительно. Кантъ хотя и указываетъ на преувеличенія другихъ и остроумно замѣчаетъ, что ребенку чуждо всякое предвидѣніе, но самъ, со своей стороны, подозреваетъ у новорожденнаго «темную идею (или сходное представленіе) свободы», а далѣе и «права», что нельзя не признать нѣкоторымъ увлеченіемъ.

Для выработки правильнаго взгляда намъ слѣдуетъ еще остановиться на противоположныхъ крайнихъ мнѣніяхъ, оспаривающихъ у новорожденнаго всякое опредѣленное ощущение и представленіе. Въ пользу этихъ мнѣній, кромѣ приведеннаго уже наблюденія надъ безмозгими субъектами, повидимому, говоритъ одинъ жестокій опытъ, котораго, несомнѣнно, не продѣлаетъ ни одна мать надъ сво-

имъ ребенкомъ. Докторъ Генцмеръ вкалывалъ иголки глубоко въ тѣло новорожденныхъ, и эти послѣдніе не отвѣчали на уколы ни крикомъ, ни движеніемъ. Было бы однако неправильно отсюда заключать, что эти дѣти не чувствительны къ боли *); «это показываетъ только», какъ замѣчаетъ одинъ американскій психологъ, «что нервныя связи, которыми обуславливается самая возможность рефлекторныхъ движеній для передачи болевыхъ ощущеній, мало сравнительно развиты» или что возбудимость двигательныхъ нервовъ ребенка незначительна (Сикорскій). Рѣшающимъ въ данномъ случаѣ является также и то, что ребенокъ, не реагировавшій при сильномъ раздраженіи одной точки тѣла путемъ укола, отвѣчаетъ сильными рефлексамн, если *гораздо болѣе слабый* возбудитель раздражаетъ за разъ большое число нервныхъ окончаній, напр., легкій шлепокъ, простое соприкосновеніе съ сырою постелькой, или, какъ мы уже выше упоминали, первое знакомство съ воздухомъ и вѣшнимъ міромъ вообще.

Мы, вѣроятно, приблизимся болѣе всего къ истинѣ, если, познакомившись съ крайними взглядами, изберемъ золотую середину и предположимъ вмѣстѣ съ такими авторитетами, какъ Прейеръ, Гефдингъ, Сикорскій, что при рожденіи центральная нервная система ребенка сразу пробуждается среди смутныхъ, но достаточно сильныхъ болевыхъ ощущеній и чувства удущья.

Замѣчательно, что въ то время, какъ на первый плачъ дитяти обращается всѣми и въ литературѣ, и въ жизни

*) Нѣкоторые ученые приписываютъ такую чувствительность ребенку въ концѣ утробной жизни. Интересны также по этому поводу взглядъ и наблюденія Прейера. „Можно положительно сказать, что центральная нервная система ребенка впервые пробуждается процессомъ родовъ въ буквальной смыслъ слова. Нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что первыя прикосновенія и давленіе, переживаемыя при этомъ ребенкомъ, причиняютъ ему боль. Мнѣ два раза случалось слышать, какъ кричалъ ребенокъ, у котораго родилась еще только голова. Въ обоихъ случаяхъ лицо такого полуродившагося ребенка выражало *крайнее неудовольствіе*“.

столько вниманія, къ дальнѣйшимъ приступамъ его, которые въ виду большого развитія ребенка заслуживали бы, казалось, большого вниманія, взрослые въ общемъ относятся довольно безучастно, даже, если хотите, съ пренебреженіемъ, т.-е. считаютъ это явленіе лишеннымъ для благополучія дитяти всякаго значенія.

Проф. Сикорскій, который и въ этомъ отношеніи является блестящимъ исключеніемъ, съ негодованіемъ указываетъ на то, что въ умахъ многихъ лицъ укоренилось мнѣніе, будто бы крикъ и плачь ребенку даже полезны*).

Странная эта непослѣдовательность въ сужденіяхъ публики объясняется отчасти общимъ свойствомъ ума нашего быстро свыкаться со всѣмъ и притупляться къ обычному.

Насъ поражаетъ только новое, впервые испытанное. Громадное вѣдь число людей не находитъ во всемъ мірозданіи ничего для себя достопримѣчательнаго, потому что... міръ очень старъ и вѣчно одинъ и тотъ же, а предпочитаетъ заниматься твореніями парижскихъ портныхъ, потому что моды ежегодно новы. Такъ точно и здѣсь большинство людей, выказавъ даже преувеличенную жалость къ рождающемуся ребенку, замалчиваютъ о страданіяхъ позднѣйшаго времени. Но изъ этого не слѣдуетъ, что дѣти перестаютъ затѣмъ страдать, наоборотъ: по мѣрѣ ихъ развитія возрастаетъ несомнѣнно и ихъ чувствительность, а только что взрослые приглядѣлись, прислушались, свыклись, что имъ вся немощь дитяти надоѣла. Развѣ не та же участь встрѣчаетъ и всѣхъ остальныхъ, кого мы осчастлиwiamy нашимъ участіемъ, кому мы благотворимъ: сначала вспышка аффектированнаго интереса, затѣмъ охлажденіе, безучастіе, даже непріязненное отношеніе, желаніе придратъ, осудить. Независимо отъ всего этого изслѣ-

*) Впрочемъ, и самъ почтенный ученый называетъ дѣтскій плачь „нормальнымъ, обыкновеннымъ“. „Слезы—явленіе для дѣтскаго возраста чисто фізіологическое“ (II, 26), что, повидимому, имѣетъ задачей указать только на неизбѣжность зла.

дователи дѣтской души Прейеръ, Пэре и др. единогласно удостовѣряютъ, что въ первыя недѣли жизни болѣзненные ощущенія особенно преобладаютъ надъ пріятными. Источниками этихъ страданій являются положительно всѣ чувства, такъ какъ можно возвести въ общій законъ, что всякое ощущеніе, раньше чѣмъ доставляетъ удовольствіе, должно непремѣнно быть для ребенка непріятнымъ, мучительнымъ, именно въ силу непривычности, неприспособленности его *). «При первыхъ опытахъ пользованія своими органами дѣти страдаютъ отъ жары и холода, въ особенности отъ послѣдняго, отъ неудобства пищеваренія, грубости среды, наконецъ отъ приспособленія ихъ мускуловъ и нервовъ къ условіямъ жизни» (Компэре).

«Новорожденный, по мнѣнію Пэре, слѣпъ и глухъ, тѣмъ не менѣе свѣтъ поражаетъ непріятно уже его глаза, а колебаніе воздуха потрясаетъ жестко барабанную его перепонку».

«Хотя дитя и находитъ мягкое и теплое ложе у материнской груди», говоритъ Пэре въ другомъ мѣстѣ, «и хотя природа сама послѣдовательно вводитъ его во владѣніе органами чувствъ и свободными движеніями, оно должно съ первой минуты жизни начать борьбу за существованіе въ виду жесткихъ болѣзненныхъ впечатлѣній, которыя его осаждаютъ, и подвергаться цѣлому ряду лишеній и мученій всякій разъ, когда просыпается отъ глубокаго сна».

Укажемъ на одинъ только частный фактъ, на ощущенія, получаемыя грудными дѣтьми при посредствѣ наружныхъ покрововъ тѣла — кожи. Она у ребенка долго лишена почти совершенно толстаго полуомертвѣвшаго надкожного слоя, такъ называемаго эпителія, который

*) Извѣстный нейрологъ и терапевтъ Куссмауль сдѣлалъ интересное наблюденіе, что даже сахарный растворъ, столь пріятный въ послѣдствіи младенцамъ, при введеніи въ первый разъ въ ихъ ротъ вызываетъ гримасу недовольства. Одно дитя даже затрепетало въ испугъ, вкусивъ впервые сладкаго.

великолѣпно предохраняетъ насъ отъ непріятныхъ прикосновеній. Дитя не покрыто также шерстью или пухомъ, защищающими всѣхъ дѣтенышей животныхъ. Ощущенія ребенка могутъ приблизительно соответствовать нашимъ на мѣстахъ, гдѣ при легкомъ пораненіи стерта кожа. Легко себѣ представить, какъ непріятны должны быть крошкѣ даже при хорошемъ за нимъ уходѣ сырость, неравномѣрное давленіе и т. п. и какъ должны умножаться эти страданія при неопрятномъ содержаніи, когда тѣло его прѣветъ и возникаютъ лишай, сыпи и т. п.

«Если нужно», говоритъ Компэре, «рѣшительное доказательство (для физическихъ страданій дитяти), то можно сослаться на тотъ фактъ, что смертность новорожденныхъ значительно превосходитъ среднюю смертность. Сколько дѣтей немедленно же падаетъ жертвой борьбы съ природою, которую приходится вести слабому организму!»

По даннымъ статистическимъ въ Россіи въ теченіе перваго года жизни умираетъ болѣе четверти всѣхъ новорожденныхъ дѣтей, во второмъ—около 9%, между 2 и 5 годомъ—болѣе 5%, т.-е. до пяти лѣтъ доживаетъ меньше чѣмъ $\frac{2}{3}$ (64 съ дробью процента).

Данныя для Россіи мало разнятся отъ среднихъ данныхъ, указанныхъ западными учеными. «Едва вступивъ въ жизнь», говоритъ Oesterlen, «одна десятая всѣхъ родившихся покидаетъ ее въ первый же мѣсяцъ, одна пятая—въ теченіе перваго года, одна треть—въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ. Изъ десяти дѣтей не болѣе семи доживаетъ до шестого года».

Мы привели среднія числа для цѣлой массы населенія; въ частности для низшихъ слоевъ процентное отношеніе смертности еще увеличивается: для бѣднаго деревенскаго люда Самарской губерніи оно достигаетъ почти одного на одинъ, именно 47,6%.

Если мы теперь вспомнимъ приведенную въ первой части моей бесѣды общую формулу: «удовольствіе есть торжество жизни, *страданіе есть* поражение, *смерть*»,

то мы убѣдимся, что ребенку есть чего плакать и что онъ не плачетъ попусту. Вышеприведенныя мрачныя числа призываютъ въ то же время къ особенной нѣжности въ попеченіи о маленькихъ дѣтяхъ, къ обращенію всѣхъ заботъ на насущное и исключаютъ всякую мысль о жертвованіи настоящимъ для будущаго, попытки развить легкія и грудь ребенка крикомъ, закалить его холодомъ и т. п. Дѣтей пужно прежде всего имѣть въ виду, внимая совѣту поэта нѣмецкаго: «Люби, пока можешь любить, люби, пока есть кого любить, настанетъ скоро время, когда будешь стоять надъ могилой и плакать»...

Согласно проф. Сикорскому, нѣжное воспитаніе младенца—единственно цѣлесообразное. Вотъ нѣсколько краснорѣчивыхъ мѣстъ изъ его трудовъ: «Здравая гигиена требуетъ, чтобы были приняты *всѣ мѣры* для доставленія ребенку условій спокойствія и для предотвращенія непріятнаго чувства и слезъ. Обуздываніе дѣтскихъ слезъ составляетъ весьма важную задачу воспитанія. Оно достигается прежде всего добросовѣстнымъ и внимательнымъ уходомъ. Съ другой стороны, ребенку должны быть по возможности предоставлены удовольствія» (II, 29). «Дѣти, которыя много плачутъ, развиваются въ интеллектуальномъ отношеніи меньше, чѣмъ дѣти спокойныя». «Во что бы то ни стало нужно останавливать слезы немедленно». «Здоровый сытый ребенокъ, который большею частью находится въ хорошемъ, веселомъ расположеніи духа, который хорошо спитъ, такой ребенокъ будетъ наиболѣе успѣшно развиваться и наоборотъ» (II, 53).

Какъ себѣ плохо даютъ отчетъ о психикѣ ребенка даже заботливые родители, можетъ служить примѣромъ, что большинство не представляетъ себѣ ясно, что ребенокъ можетъ страдать отъ бессонницы и такъ же мучительно, какъ страдаютъ только нервно-больные.

При нормальныхъ условіяхъ сонъ ребенка, по крайней мѣрѣ сначала, долженъ заполнять все время, кромѣ краткихъ промежутковъ для приѣма пищи, такъ какъ самый

процессъ сосанія и даже дыханія (Прейеръ), не говоря уже о тѣснящихся къ бодрствующей нервной системѣ внѣшнихъ впечатлѣнїяхъ, страшно его изнуряють.

Если ребенокъ долго бодрствуетъ, то это свидѣтельствуєтъ уже о глубокомъ разстройствѣ его здоровья. Плаксивость и капризность мало спящаго ребенка объясняются тѣмъ, что всякое «утомленіе нервныхъ центровъ влечетъ за собою рѣзкое чувство непрїятнаго», въ данномъ же случаѣ дитя переживаетъ несомнѣнно настоящія муки.

Самой распространенной въ младенческомъ возрастѣ причиной смерти являются желудочныя заболѣванія, сопровождающіяся сильными болями. «Изъ ста умершихъ моложе одного года умираетъ отъ болѣзней органовъ пищеваренія 50%». Кто-то изъ англійскихъ писателей сказалъ, что судьбы государствъ зависятъ отъ кухонъ министровъ. Съ большимъ стократъ правомъ можно сказать, что *счастье чело́вѣка зависитъ отъ молока* и начальнаго способа кормленія ребенка, именно чело́вѣка, а не только ребенка, на состояніе котораго питаніе имѣетъ очевидное, непосредственное вліяніе. Благодаря незначительному размѣру желудка ребенка и быстрому въ силу роста расходу матерїи, ребенокъ выставленъ на болѣе частыя муки голода, а какъ онъ воспрїимчивъ къ качеству пищи, свидѣтельствуєтъ случаи, когда молоко нездоровой, утомленной или взволнованной кормилицы не только способно вызвать плачь и болѣзнь желудка, но судороги и параличъ. Болѣе легкія и продолжительныя страданія отъ плохого питанія подрываютъ также жизненныя—физическія и душевныя—силы, только менѣе замѣтно. «Можно утверждать безъ преувеличенія», говоритъ одинъ врачъ, «что нѣкоторые недостатки въ характерѣ чело́вѣка получили

*) „Новорожденный, если не сосетъ грудь, спитъ непрерывно; только съ третьей или четвертой недѣли онъ не спитъ около четверти часа въ сутки, съ седьмой или восьмой—около 1/2 часа; съ 5 мѣсяца онъ уже бодрствуетъ безъ перерыва цѣлый часъ и болѣе“. Уффельманъ, Гиг. реб.

начало еще у груди кормилицы, беспорядочной или больной».

«Дѣти, страдавшія разстройствомъ пищеварительныхъ путей и не умершія, выздоравливаютъ не безъ замѣтнаго ущерба для здоровья. Общая слабость и недостаточная сила сопротивленія очень часто объясняются тяжкими или продолжительными болѣзнями органовъ пищеваренія въ дѣтствѣ».

Что касается собственно заболѣваемости, т.-е. частоты заболѣваній среди дѣтей разными болѣзнями, то мы, къ сожалѣнію, «имѣемъ мало опредѣленныхъ данныхъ». По общему мнѣнію специалистовъ, степень заболѣваемости дѣтей высока, при чемъ дѣти различнаго возраста подвержены болѣзнямъ въ очень различной степени, а у дѣтей разныхъ возрастовъ преобладаютъ неодинаковыя болѣзни. Большая часть болѣзней угрожаетъ ребенку въ первый годъ его жизни, меньшая—въ періодъ отъ 10—15 лѣтъ.

Въ особенности богаты разстройствами здоровья первый мѣсяцъ и время отнятія отъ груди. Новорожденные въ большемъ числѣ страдаютъ общею слабостью организма, далѣе, какъ я уже упомянулъ,—разстройствомъ пищеваренія, молочницей, желтухой, заразными болѣзнями, напр.: родильнымъ зараженіемъ, рожей, воспаленіемъ пупочныхъ сосудовъ, воспаленіемъ глазъ, судорогами челюстей, судорогами вообще и насморкомъ.

Дѣти, начиная съ 3-ей недѣли жизни и до конца перваго года, по преимуществу заболѣваютъ разстройствомъ органовъ пищеваренія (желудочнымъ и желудочно-кишечнымъ катарромъ); затѣмъ у нихъ появляются болѣзни органовъ дыханія (воспаленіе гортани, дыхательнаго горла и бронхитъ, катарральное воспаленіе легкихъ); потомъ слѣдуютъ страданія нервной системы (судороги, эклампсія, судорога гортанной щели, воспаленіе мозговой оболочки) и болѣзни кожи (раны, мокнущіе лишай и т. п.). Изъ инфекціонныхъ—заразныхъ—болѣзней чаще бываетъ у нихъ

корь и коклюшъ. Между конституціональными болѣзнями мы находимъ у нихъ наслѣдственный lues, первыя стадіи рахитизма и золотухи и, наконецъ, бугорчатку, по большей части въ формѣ пораженія мозговой оболочки. Сюда слѣдуетъ еще причислить несчастные случаи и пороки развитія, которые въ сложности даютъ 10% общей смертности въ этомъ возрастѣ.

Съ начала второго и до седьмого года дѣти по преимуществу страдаютъ болѣзнями органовъ пищеваренія и органовъ дыханія, затѣмъ конституціональными болѣзнями, рахитизмомъ, золотухой и инфекціонными болѣзнями, изъ которыхъ преимущественно господствуютъ корь, коклюшъ, вѣтряная оспа, краснуха, дифтеритъ.

Дѣти школьнаго возраста преимущественно страдаютъ, такъ назыв., школьными болѣзнями, т.-е. близорукостью, искривленіемъ позвоночнаго столба, нервозностью, малокровіемъ и слабостью мышцъ; кромѣ того, эпидемическими заразными болѣзнями, особенно скарлатиной и дифтеритомъ, рѣже коклюшемъ и корью. Изъ болѣзней дыхательныхъ органовъ здѣсь появляется крупозное воспаленіе легкихъ. Между страданіями нервной системы преобладаютъ эпилепсія и пляска святого Витта.

Приведенный нами изъ одного руководства по гигиенѣ перечень дѣтскихъ болѣзней не даетъ въ сущности ничего новаго, такъ какъ всякій пожившій на землѣ имѣлъ случай и на себѣ и на другихъ убѣдиться, что дѣти особенно подвержены заболѣваніямъ и что есть цѣлый рядъ болѣзней, тяготящихся вѣчно надъ дѣтьми и рѣдко поражающихъ старшихъ. Но простое перечисленіе дѣтскихъ болѣзней утомило насъ, и отсюда пусть каждый заключить, какъ тяжело перенесеніе этихъ болѣзней малолѣтнему населенію земли. Еще внушительнѣе оказался бы этотъ длинный рядъ болѣзней, если бы мы могли къ нему присоединить точныя числовыя данныя о болѣющихъ ими; къ сожалѣнію, статистика заболѣваемости у дѣтей, какъ сказано, еще мало разработана. Мнѣ лично удалось ра-

зыскать подробныя свѣдѣнія о состояніи здоровья учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ С.-Петербурга. Во всѣхъ школахъ столицы обучалось въ 1899 году около 20 тысячъ дѣтей. Школьные же врачи,—согласно ихъ отчету,—оказали въ теченіе того же года медицинскую помощь 49.830 больнымъ воспитанникамъ. Кажущееся несоотвѣтствіе этихъ чиселъ объясняется тѣмъ, что «многіе изъ учащихся болѣли въ теченіе года нѣсколько разъ и притомъ различными болѣзнями, почему и регистрировались каждый разъ особо». Въ теченіе 1898 года наблюдалось даже 56.920 различныхъ случаевъ болѣзней среди школьниковъ С.-Петербурга; для болѣе отдаленныхъ лѣтъ числа эти меньше, но несомнѣнно и составъ учащихся въ прежніе годы не достигалъ 20 тысячъ.

Дѣля число заболѣваній на число учащихся, мы видимъ, что каждый учащійся ребенокъ въ среднемъ долженъ былъ въ годъ проболѣть отъ 2 — 3 разъ. Если же попадался счастливчикъ, не болѣвшій весь годъ, то другой долженъ былъ за него, такъ сказать, отболѣть 5 разъ, или двое другихъ отъ семи до девяти разъ.

Допустимъ, числа эти не могутъ считаться нормальными, такъ какъ дѣти въ С.-Петербургѣ поставлены въ исключительно неблагопріятныя условія жизни *), кромѣ того, отличаются, согласно заявленію врачей, дурнымъ физическимъ развитіемъ и слабостью организмовъ. Но, съ другой стороны, нельзя упустить изъ виду, что эти-то петербургскія дѣти, болѣющія такъ часто, въ свой школьный пе-

*) Противоположною крайностью, т.-е. минимумомъ заболѣваній, слѣдуетъ считать процентъ больныхъ въ среднихъ школахъ Швеціи, колеблющійся между 25 и 40%. Какъ особенности климата и расы, такъ и превосходныя санитарныя мѣропріятія ставятъ шведскихъ дѣтей въ исключительно счастливыя условія. Вѣроятно также въ статистикѣ для шведскихъ школъ отмѣчались только болѣе серьезныя и продолжительныя заболѣванія, между тѣмъ какъ въ С.-Петербургѣ регистрировался каждый новый случай, разъ съ нимъ обращались къ врачу. (L. Burgerstein u. A. Netolitzky, Handb. d. Schulhygiene, 286).

ріодъ жизни переживаютъ — простите за невольную про-
нію—самый здоровый свой возрастъ. Последнее удосто-
вѣряется, какъ вышеприведенными словами гигиениста-
практика д-ра Уффельмана, такъ и статистикой смерт-
ности, которая, за неимѣніемъ статистики заболѣваемости,
«единственно даетъ наглядную оцѣнку разстройствомъ
здоровья въ отдѣльные годы жизни» (H. Neumann, Oef-
fentlicher Kinderschutz S. 435). Смертность въ возрастѣ
отъ 10 до 15 года даетъ самый меньшій коэффициентъ
изъ всѣхъ вообще возрастовъ человѣческой жизни (l. с. 436)
и чуть ли не въ 100 разъ меньшій въ сравненіи съ пер-
вымъ годомъ жизни.

Въ такомъ видѣ представляется съ внѣшней стороны
налогъ, уплачиваемый дѣтскимъ возрастомъ смерти и бо-
лѣзни. Что касается внутренняго, субъективнаго само-
чувствія во время болѣзни, то я склоненъ думать, что
дѣти отъ недуговъ своихъ страдаютъ вообще больше, чѣмъ
взрослые. Дѣло въ томъ, что, не говоря уже о способ-
ности взрослыхъ обтерпѣться, освоиться со страданіями
и способности разсѣиваться и отвлекаться отъ страданія—
при большей разносторонности и содержательности жизни
старшихъ,—долгая жизнь развиваетъ еще у взрослыхъ
особенный оптимизмъ къ болѣзнямъ, совершенно чуждый
дѣтямъ. Когда нынѣ у насъ, взрослыхъ, въ сотый разъ
болятъ зубы или голова, то мы знаемъ, что боль прой-
детъ, какъ проходила 99 разъ, ребенокъ же этого не
знаетъ, или не знаетъ въ такой степени, какъ мы; онъ
живетъ только настоящимъ и ему труднѣе спастись отъ
ставшаго невыносимымъ настоящаго. Всѣмъ, напр., извѣст-
но, въ какой ужасъ приходятъ дѣти, увидя свою кровь;
сравните этотъ дѣтскій страхъ съ самообольщеніемъ смер-
тельно больныхъ взрослыхъ, дѣлающихъ всегда одно и
то же ложное заключеніе: «проходило столько разъ, прой-
детъ и теперь», и вы согласитесь, что болѣзнь надъ ре-
бенкомъ имѣетъ несравненно большую власть.

Посвятивъ столько времени физическимъ недугамъ, по-

ражающимъ юное человѣческое растеніе, мы должны были бы тутъ же заняться и душевными аномаліями, служащими не менѣе, пожалуй, обильнымъ источникомъ страданія, чѣмъ физическія разстройства. Но въ данномъ случаѣ обременительнымъ не въ мѣру оказалось бы даже простое перечисленіе. Извѣстный лейпцигскій психіатръ Штрюмпель находить, что число дѣтскихъ психическихъ и нравственныхъ пороковъ превосходитъ вдвое число дѣтскихъ тѣлесныхъ болѣзней, описываемыхъ въ медицинскихъ книгахъ. Самъ почтенный авторъ даетъ во II главѣ своей «Педагогической патологии» ихъ алфавитный указатель въ объемѣ 66 страницъ съ 300 названій. Ограничимся этой общей справкой и оставимъ въ покоѣ всю печальную статистику разстройствъ дѣтскаго организма.

Не желая вообще возвращаться болѣе къ этому предмету, мы сказали про болѣзненность дѣтей сразу все, что намъ должно имѣть въ виду при оцѣнкѣ счастья и несчастья въ дѣтскомъ возрастѣ, и говорили о болѣзненности, какъ ранняго, такъ поздняго дѣтства. Въ силу этого нашъ очеркъ въ данномъ мѣстѣ получилъ нѣсколько односторонній характеръ.

Не ограничиваясь этой своего рода мартирологіей, сказаніемъ о мученичествѣ дѣтей, умѣстно будетъ сейчасъ же напомнить, что болѣзнь, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, у которыхъ она чаще возникаетъ, все-таки можетъ считаться лишь исключеніемъ, правда, частымъ, слишкомъ частымъ для страждущихъ. Что бы ни говорили пессимисты, въ родѣ д-ра Вересаева, нормой, хотя и нарушаемой сплошь да рядомъ, остается здоровье. Даже самая смертность, о которой мы столько разъ упоминали, является доказательствомъ въ пользу этого положенія: больныхъ скоро уносить могила, они не имѣютъ большихъ правъ на жизнь, они уступаютъ мѣсто здоровымъ и жить остаются здоровые.

Важнымъ личнымъ утѣшеніемъ для нѣкоторыхъ можетъ

служить то обстоятельство, что въ сравненіи съ приведенными мною общими данными состояніе здоровья дѣтей въ зажиточномъ и интеллигентномъ классѣ гораздо чаще благопріятнѣе (для дѣтей царствующихъ домовъ смертность въ періодъ 0—14 лѣтъ жизни равняется только 16,6%, т.-е. въ сравненіи съ общей статистикой меньше вдвое).

Наконецъ, невыгода, вытекающая изъ большей въ дѣтствѣ заболѣваемости, окупается съ избыткомъ, пожалуй, тѣмъ, что именно юный возрастъ въ благополучные моменты здоровья противопоставляетъ болѣзни.

Я хочу сказать, что здоровье дитяти и здоровье болѣе позднихъ лѣтъ, особенно здоровье старыхъ людей—вещи разные. Здоровье въ общемъ смыслѣ и въ частности насъ, взрослыхъ, остановившихся уже въ своемъ развитіи, сводится къ извѣстному только равновѣсію разрушающихъ вліяній и регенеративныхъ силъ, возмѣщающихъ постоянный ущербъ. Но у дѣтей мы въ правѣ говорить о чемъ-то сверхъ этого равновѣсія: ихъ организмъ развиваетъ больше силъ, чѣмъ потребляетъ на свои нужды, онъ пріобрѣтаетъ больше энергіи и веществъ, чѣмъ возвращаетъ ихъ окружающей средѣ; онъ, скажемъ просто, развивается и растетъ, его приходъ превышаетъ расходъ въ то время, какъ мы лишь сводимъ концы.

Если далѣе приведенная выше формула Фулье объ удовольствіи, какъ ощущеніи избытка дѣятельности, вѣрна, то мы должны изъ всего сдѣлать выводъ, что простое самочувствіе растущаго ребенка само по себѣ, т.-е. независимо отъ внѣшнихъ воздѣйствій, должно быть пріятнѣе, чѣмъ безразличное почти состояніе здороваго человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. На этомъ свѣтломъ фонѣ должны заманчиво и ясно обрисовываться такіа мелкія удовольствія, которыя для старшаго возраста могутъ остаться все незамѣтными. Правда, пословица говоритъ, что гдѣ много свѣта, тамъ много и тѣни, и къ намъ подкрадывается опять мысль, что частое отпаденіе ребенка изъ

этой полноты жизни, этого избытка силъ въ немощное, недужное состояніе должно быть вдвое рѣзче и невыносимѣе, но о тѣни уже все нами сказано и сказано, что она—исключеніе.

Мы уже разъ упоминали за проф. Сикорскомъ объ удовольствіяхъ младенческаго возраста. Радости, которыя доступны крошкамъ, естественно не могутъ быть ни велики, ни особенно разнообразны.

«Въ первые мѣсяцы жизни», говоритъ нашъ ученый, «положительныя или пріятныя чувства, обусловливающія довольство и веселое расположеніе духа ребенка, поддерживаются и питаются всѣми пріятными элементарными ощущеніями: актомъ сосанія, извѣстными вкусовыми впечатлѣніями, насыщеніемъ, теплой ванной, теплой постелью, умѣреннымъ свѣтомъ, тихими звуками, умѣренной мышечной работой. Если эти удовольствія изобильны, то у ребенка вырастаетъ и крѣпнеть зачатокъ прочныхъ энергическихъ чувствъ. Такой ребенокъ обыкновенно имѣетъ довольный видъ, остается спокойнымъ и терпѣливымъ, большею частью онъ веселъ, дѣлаетъ много движеній, лицо его имѣетъ пріятное выраженіе, вслѣдствіе широко открытыхъ глазъ и полноты щекъ, зависящей отъ преобладающаго въ лицѣ сокращенія большихъ скуловыхъ мышцъ (мышцы радости)» *).

Если жизнь ребенка протекаетъ въ такомъ видѣ, то крѣпнущія чувства расширяютъ постепенно кругъ его удовольствій и въ то же время позволяютъ ему ихъ все сильнѣе испытывать. Въ немъ начинаютъ изъ смутнаго,

*) Въ противоположность этому непріятное чувство выражается у ребенка сомкнутіемъ вѣкъ и плотнымъ закрытіемъ глазъ, а при болѣе сильныхъ степеняхъ — крикомъ. Съ 3-го мѣсяца къ крику обыкновенно присоединяются слезы. Съ 4-го мѣсяца самымъ тонкимъ показателемъ непріятнаго самочувствія служитъ опусканіе угловъ рта, оно предшествуетъ крику и слезамъ и бываетъ даже во время сна, если ребенокъ нехорошо себя чувствуетъ.

глухого сознанія обособляться при посредствѣ двухъ вышнихъ чувствъ—зрѣнія и слуха—опредѣленные внѣшніе интересы (дѣтское любопытство), которые въ теченіе позднѣйшаго дѣтства, вплоть до отрочества и отчасти юношества, служатъ источникомъ, правда непрочныхъ, но зато безчисленныхъ удовольствій.

Это увлеченіе всѣмъ окружающимъ безъ разбора составляетъ одну изъ выдающихся особенностей дѣтской души; оно затѣмъ исчезаетъ у большинства съ пробужденіемъ въ зрѣломъ возрастѣ страстей.

По мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, уже недѣльный ребенокъ въ состояніи фиксировать свой взоръ на пламени свѣчи, но есть данныя полагать, что способность смотрѣть въ болѣе полномъ этого слова значеніи является нѣсколько позже. Американскій психологъ Треси приводитъ примѣры, что нѣкоторыя краски и ихъ сочетанія нравились дѣтямъ отъ 10 дней и вызывали у нихъ улыбки, хотя, съ другой стороны, по наблюденіямъ Прейера, почти трехлѣтній ребенокъ не усваиваетъ твердо всѣхъ основныхъ цвѣтовъ (особенно синяго и зеленаго).

Слухъ, повидимому, развивается нѣсколько позже, но въ спеціальной литературѣ отмѣчены отдѣльные факты, когда у двухнедѣльных приблизительно дѣтей отъ ласковаго тембра голоса матери прекращался плачь. Одинъ уважаемый мною товарищъ даетъ, впрочемъ, этому явленію другое толкованіе и утверждаетъ, что посредникомъ пріятныхъ ощущеній дитяти при приближеніи матери является сначала болѣе низкій органъ чувствъ, именно, обонаніе. Въ пользу этого соображенія говоритъ столь многое, что я склоненъ оказать ему предпочтеніе предъ сентиментальнымъ нѣсколько объясненіемъ иностранныхъ авторовъ. Ритмическія движенія способны доставлять дѣтямъ удовольствіе уже въ нѣсколько недѣль отъ роду. Къ собственной музыкѣ выказываютъ живой интересъ уже мѣсячныя дѣти.

Чтобы окончить обзоръ ощущеній въ самомъ раннемъ

дѣтствѣ, мы должны еще остановиться на двухъ важныхъ и, къ сожалѣнію, тягостныхъ моментахъ: именно на кризисѣ прорѣзыванія зубовъ и отнятіи отъ груди. О прорѣзываніи зубовъ судятъ въ обществѣ слишкомъ преувеличенно, слишкомъ боятся этого явленія и очень много толкуютъ, что даетъ мнѣ право тѣмъ менѣе распространяться. Ограничимся заявленіемъ, что, по мнѣнію свѣдущихъ, появленіе молочныхъ зубовъ не угрожаетъ само по себѣ ничѣмъ опаснымъ для дитяти и не ведетъ ни къ какимъ разстройствамъ; единственно ему можетъ быть поставлено въ вину, что оно не обходится безъ острыхъ болевыхъ ощущеній и въ продолженіе сравнительно долгаго времени отнимаетъ у ребенка покой и утомляетъ его. Во всякомъ случаѣ прорѣзываніе зубовъ причиняетъ ребенку только мѣстные физическія страданія, между тѣмъ отнятіе отъ груди потрясаетъ глубоко его существо, нарушаетъ всѣ лучшія, любимѣйшія привычки дитяти, лишаетъ его пищи и лишаетъ въ то же время того «мягкаго теплаго ложа», которыми его наградила природа на порогѣ жизни. Какого бы низкаго мнѣнія о психикѣ ребенка мы ни были, все-таки приходится допустить, что при отнятіи отъ груди страдаетъ и привязанность его. Въ минуту этой первой разлуки съ матерью онъ предвкушаетъ ужасъ и горечь неизбежной въ будущемъ второй разлуки, когда отъ груди милѣйшаго существа отдѣлится не стѣна смежной комнаты, не жесткое застегнутое платье, но два различныхъ міра, холодная земля могилы.

Компэре говоритъ, что важное въ жизни дитяти событіе отнятія отъ груди «вызываетъ въ немъ совершенно новое чувство печали». «Если отнятіе отъ груди преждевременно (а таковымъ оно бываетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ), если оно внезапно, не сопровождается естественнымъ прогрессомъ организма, который самъ стремится къ новой пищѣ, то оно не только можетъ вызвать истощеніе ребенка, но даже погрузить его въ своего рода нравственное уныніе».

Большинство знатоковъ дѣтской души, согласившись въ томъ, что «первый періодъ человѣческой жизни принадлежитъ къ наименѣе пріятнымъ» и что «зло въ это время преобладаетъ», склонны предполагать, что равновѣсіе болѣе или менѣе скоро затѣмъ восстанавливается, а когда прорѣзываніе зубовъ окончено, это равновѣсіе, по ихъ мнѣнію, нарушается вторично, но уже въ пользу добра.

Не оспаривая этого для благопріятныхъ случаевъ, я все-таки склоненъ думать, что перевѣсъ хорошаго въ общемъ и теперь еще незначительный, а главное—непрочный. Мнѣ кажется, что разница между первымъ и послѣдующими дѣтскими возрастами можетъ быть опредѣлена лучше всего такимъ образомъ: что въ то время, какъ въ періодъ младенчества перевѣсъ отрицательныхъ ощущеній для дитяти неизбѣженъ, въ дальнѣйшіе годы самочувствіе дитяти зависитъ отъ частныхъ условій его жизни, разныхъ случайностей и при совпаденіи благопріятныхъ условій возвышается до степени довольства и радостнаго настроенія. Но такъ какъ подобныя обстоятельства трудно очень учесть, то всякія огульныя предположенія о томъ, счастливы ли вообще или несчастны бываютъ дѣти, по-моему мало основательны.

Также я долженъ отказаться отъ излюбленнаго многими сравненія въ смыслѣ благополучія дѣтскаго возраста съ позднѣйшими. Будь посему необходимость, то, пожалуй, есть объективныя данныя изъ всѣхъ возрастовъ считать періодъ возмужалости, зрѣлости, полного расцвѣта болѣе благодатнымъ, чѣмъ дѣтство. Но при такомъ сопоставленіи разныхъ возрастовъ чувствуется сейчасъ недостатокъ въ общемъ мѣрилѣ: дѣтскія потѣхи разнятся отъ веселья юности и радости позднѣйшихъ лѣтъ, точно такъ же дѣтскія страданія не совсѣмъ походятъ на наши позднѣйшія испытанія. Поэтому самымъ вѣрнымъ путемъ я считаю возможно безотносительную оцѣнку и объективный разборъ чувствъ cadaго возраста въ отдѣльности, въ данномъ слѣдовательно разѣ—дѣтскаго.

Во всякомъ случаѣ, примѣняясь къ вышеупомянутымъ авторитетамъ, мы въ слѣдующей лекціи постараемся отводить первое мѣсто всему положительному, отрадному, заставляя тѣни влачиться позади.

Въ прошлой моей бесѣдѣ, которая была преимущественно посвящена младенчеству и раннему дѣтству, мы пришли къ выводу, что первые годы жизни особенно избилуютъ неприятными для ребенка ощущеніями. Перейдя затѣмъ къ болѣе позднему дѣтству, мы назвали его, въ сравненіи съ первымъ періодомъ, болѣе благополучнымъ въ отношеніи самочувствія, и признали, что при совпаденіи благопріятныхъ условій ребенокъ въ этомъ возрастѣ можетъ дѣйствительно чувствовать себя счастливымъ. Самыми необходимыми для этого условіями полагаемъ хорошее состояніе здоровья и родительскую опеку.

О значеніи здоровья для дѣтскаго счастья нами кое-что уже сказано, займемся слѣдовательно ролью родителей въ жизни дитяти.

Мастерскимъ, чтобы не сказать геніальнымъ, слѣдуетъ признать пріемъ художниковъ и поэтовъ изображать счастливаго ребенка не иначе, какъ въ родительскихъ объятіяхъ.

Смѣйся, малютка! играй на колѣняхъ родной! На священномъ
Островѣ этомъ тебя не найдутъ ни печаль, ни заботы.
Держать съ любовью тебя материнскія руки надъ бездною,
И, улыбаясь, ты, полный невинности, смотришь въ могилу.

Родительская опека—благо, выше котораго нѣтъ ничего въ жизни дитяти, не только потому, что она обезпечиваетъ лучше насущныя потребности дитяти, послѣднія, при наличности средствъ, могутъ быть удовлетворены и помимо родительскихъ заботъ, я также не говорю о возвышенности, святости чувствъ, связывающихъ дѣтей съ родителями, такою же священной любовью наша къ родителямъ остается и до конца, она даже, если это возможно, съ годами дѣлается еще болѣе чистой, безкорыстной, и

будь эти только стороны дѣла, у меня не было бы особеннаго основанія выдвигать отношенія дѣтей къ родителямъ, какъ исключительный источникъ дѣтскаго счастья. Любовь наша къ родителямъ и родителей къ намъ можетъ вѣчно быть одной и той же, но все-таки ея вліяніе на душевное настроеніе со временемъ сильно измѣняется. Когда человѣкъ самъ созрѣлъ и окрѣпъ, а родители его тѣмъ временемъ старѣются изъ года въ годъ, къ дѣтской любви начинаютъ примѣшиваться минорныя нотки жалости и грусти, тревоги за ихъ долговѣчность, любовной снисходительности къ ихъ слабости, и это придаетъ нашимъ отношеніямъ какой-то элегическій характеръ. Совсѣмъ другое, пока ребенокъ малъ: тогда онъ въ родителяхъ, кромѣ предмета привязанности, видитъ еще всемогущихъ, по его понятію, покровителей, неизмѣнныхъ, вѣчныхъ своихъ благодѣтелей. У ихъ бока, за ихъ спиной для ребенка нѣтъ и не предвидится ничего страшнаго, у него нѣтъ и мысли, что можетъ быть зло, отъ котораго не были бы въ состояніи его защитить и уберечь родители. «Скажу мамѣ!»—это высшая инстанція, отъ которой не можетъ быть апелляціи, и притомъ инстанція безпредѣльно милостивая, всегда готовая выслушать, все уважить, все извинить.

Чувство дѣтской безпечности у родительскаго бока—завидная привилегія дѣтскаго возраста и ему она нераздѣльно принадлежитъ. Впослѣдствіи, правда, на смѣну дѣтской беззаботности являются юношеская самонадѣянность, увѣренность въ собственныхъ силахъ, разрастающаяся до размѣровъ вѣры во весь міръ; взрослый гражданинъ находитъ оплотъ въ государствѣ, заступника въ правосудіи и общественномъ мнѣніи, поддержку въ нравственныхъ принципахъ и религіи, но какъ уныло звучитъ поговорка взрослыхъ «до царя далеко, до Бога высоко», въ сравненіи съ дѣтски увѣреннымъ «пойду къ мамѣ», и какъ беспомощными, неувѣренными кажутся даже передовые борцы въ сравненіи съ ребенкомъ, держащимся за юбку матери.

Въ родословной человѣческихъ чувствъ сыновняя любовь занимаетъ первое мѣсто, изъ нея берутъ начало всѣ остальные добрыя движенія души: и династическія привязанности, и патріотизмъ, и даже религіозныя чувства. Выраженія: Отецъ Всевышній, отечество, царь-батюшка и т. п., служатъ этому подтвержденіемъ; у нѣмцевъ есть еще выраженія: Muttersprache—родной языкъ и Mutterwitz—природный умъ. Понятія о всѣхъ высшихъ благахъ связываются у народовъ съ представленіемъ о родителяхъ, и, несомнѣнно, мы не были бы въ состояніи въ теченіе послѣдующей жизни испытывать сильно и улаживаться всѣми хорошими чувствами, если бы почву подъ нихъ въ нашей душѣ не заготовили наши родители.

Не знаю, нужно ли приводить свидѣтельство писателей. Толстой, рассказывая въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» о своей дѣтской молитвѣ, признается, что любовь къ Богу не отдѣлялась у него отъ любви къ матери, а вотъ доказательное мѣсто изъ біографіи Алексѣя Николаевича Апухтина, написанной М. Чайковскимъ: *Всѣ родственныя и дружескія отношенія, всѣ сердечныя увлеченія его жизни послѣ кончины Марьи Андреевны (матери поэта) были только обломками храма сыновней любви.* «Материнская любовь,—говоритъ тонкій знатокъ сердца ребенка, Песталоцци,—есть первостепенный факторъ въ жизни. При посредствѣ этой любви человѣкъ учится вѣрить и полагаться на Творца и Спасителя».

Общеніе съ родителями по-моему первый и по своему значенію единственный факторъ дѣтскаго счастья. Пока дитя слѣпо имъ довѣряетъ и не имѣетъ случая опасаться за нихъ или сомнѣваться въ ихъ силахъ и, что гораздо хуже, въ ихъ добрыхъ намѣреніяхъ, оно пожалуй счастливо, насколько счастье на землѣ возможно. Потеря ихъ или разочарованіе въ нихъ—это первые желтые листья, первыя сухія вѣтви на нашемъ древѣ жизни. Холодъ, которымъ вѣетъ въ этихъ случаяхъ на ребенка отъ жизни, можетъ быть даже убійственнымъ для него. Дитя-сирота

и ребенокъ, брошенный безъ родной опеки,—это самое жалкое существо подъ небеснымъ сводомъ. Даже простой разладъ семейный, несогласія между родителями дѣйствуютъ разрушительно на дѣтское счастье.

Согласно уголовной статистикѣ *), до 60% всѣхъ юныхъ обитателей тюремъ составляютъ контингентъ внѣбрачныхъ или лишенныхъ родителей (elternlose) дѣтей. Что же касается простыхъ наблюдений, то всѣ неудачи въ воспитаніи, вплоть до самоубійствъ въ школьномъ возрастѣ, представляются намъ роковымъ образомъ связанными съ растлѣніемъ семейной жизни родителей.

Если первымъ внѣшнимъ факторомъ дѣтскаго счастья слѣдуетъ считать родительскую опеку, то первымъ внутреннимъ факторомъ должно признать лежащее въ основѣ натуры здороваго ребенка чувство свѣжести и жизнерадостности, вытекающее, какъ объ этомъ уже упоминалось, отъ избытка жизненныхъ силъ, изъ роста и развитія всѣхъ унаслѣдованныхъ въ зачаточномъ видѣ жизнеотправленій и способностей. Въ растущемъ, а слѣдовательно приобретающемъ все, организмѣ является естественно повышенный тонъ самочувствія, и какъ ни часто, въ силу неустойчивости всѣхъ отправленій, настроеніе мѣняется къ худшему, оно, за исключеніемъ этихъ промежутковъ, должно быть свѣтло.

Всѣ завидныя свойства юности могутъ быть объяснены на основаніи приведеннаго фізіологическаго факта; такъ напр., легкость съ какою пробуждаются безъ сознательныхъ усилій, сами собою, всѣ прирожденные способности создаетъ въ ребенкѣ и юношѣ характерную для нихъ самонадѣянность, увѣренность, что и впредь въ какихъ угодно условіяхъ жизни все для него будетъ легко, не встрѣтятся препятствія. Постоянный приростъ силъ составляетъ, по аналогіи, ожидать, что такъ будетъ и дальше до безконечности, что и вызываетъ иллюзорныя, но чуд-

*) Alex. v. Oettingen, Moralstatistik. I, 344—345.

ныя перспективы, непомѣрныя надежды на будущее—несбыточные грезы юности.

Свѣжесть дѣтской души обнаруживается въ общеніи его съ окружающею его средою въ томъ видѣ, что все для него ново и все новое для него привлекательно. Онъ слѣдитъ за такими явленіями, которыя въ силу обыденности перестали для нашего сознанія даже существовать или по своей мелочности не удостоиваются нами вниманія. Въ силу этого жизнь дитяти при одинаковыхъ со взрослыми условіяхъ и обстановкѣ несоразмѣримо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ взрослыхъ. «Все въ неизмѣнной природѣ кажется малюткѣ чудомъ». При этомъ не только окружающая обстановка доставляетъ ему безконечно много интересныхъ наблюденій, но и ознакомленіе съ самимъ собою, съ собственными способностями готовить ему много пріятныхъ неожиданностей. Мы, взрослые, привыкли пользоваться всѣми чувствами, всѣми силами нашего тѣла и большинство дѣйствій совершаемъ машинально; ребенокъ фиксируетъ на всѣхъ отправленіяхъ и движеніяхъ своего тѣла вниманіе и находитъ въ себѣ источники неисчислимыхъ радостей. «Дѣйствіе каждаго мускула является для ребенка откровеніемъ», говоритъ одинъ авторъ. «Въ упражненіяхъ мускуловъ и нервовъ,—замѣчаетъ другой,—для ребенка лежатъ такія наслажденія, о которыхъ взрослый человѣкъ даже и не подозреваетъ, такъ какъ они, такъ сказать, изсякли для него подъ вліяніемъ повторяемости и привычки. Подумаемъ, сколько маленькихъ пріятныхъ впечатлѣній онъ испытываетъ на первыхъ своихъ прогулкахъ отъ дневного свѣта, небесной лазури, о которой слѣпорожденный послѣ операціи говорилъ, что это самое прекрасное въ мірѣ, отъ ощущенія чистаго и свѣжаго воздуха, который впервые обвѣваетъ голову ребенка». «Лишь только ребенокъ свыкся немного съ внѣшнимъ міромъ и превозмогъ первыя впечатлѣнія страха и неожиданности, самыя простыя понятія, къ которымъ взрослые относятся равнодушно, не оставляютъ его не-

чувствительнымъ. Въ мірѣ реальныхъ предметовъ каждый новый взглядъ есть новое открытіе; ребенокъ, по словамъ поэта, блуждаетъ своимъ изумленнымъ и восхищеннымъ взоромъ и испытываетъ если не ясное наслажденіе, то по крайней мѣрѣ смутное довольство».

Иногда дѣло доходить до курьеза, и интересы дѣтей, въ силу ихъ безшабашной жажды впечатлѣній, попадаютъ въ оригинальный контрастъ съ интересами взрослыхъ; дѣти способны радоваться всевозможной вознѣ, хозяйственнымъ хлопотамъ, даже переменамъ къ худшему въ домашней жизни, суматохѣ около больного, такъ какъ все это доставляетъ имъ новыя впечатлѣнія *). Съ другой стороны, открытіе, что ребенокъ можетъ устоять на ногахъ, взлѣзть на стулъ, а далѣе перепрыгнуть канавку, взобраться на дерево и т. д., такъ его поражаетъ, повергаетъ въ такую радость, что онъ не можетъ не подѣлиться своимъ восторгомъ съ близкими, требуетъ ихъ сочувствія, и при этомъ такъ гордится своими своеобразными подвигами, какъ развѣ изъ взрослыхъ можетъ гордиться артистъ, вызвавшій громъ рукоплесканій, или побѣдитель, встрѣчаемый съ триумфомъ.

Кому, наконецъ, неизвѣстно, какъ легко искусственно вызвать у ребенка радость. Какая-нибудь грошевая бездѣлушка, ни къ чему негодная или испорченная вещьца могутъ осчастливить его и надолго занять.

Удовольствіе, вытекающее для дѣтей изъ новизны всѣхъ ихъ ощущеній, какъ уже упоминалось, для взрослыхъ почти недоступно, и поэтому намъ не легко составить о немъ представленіе. «Дѣтски» радоваться всему окружающему способенъ развѣ выздоравливающій послѣ продолжительной болѣзни, узникъ, выпущенный на свободу; нѣ-

*) „Мнѣ было весело, потому что мама больна“, вырвалось однажды не у изверга рода человѣческаго, а у одной благодушной дѣвочки, заставшей въ спальнѣ у матери шутника доктора, красивыя коробки изъ аптеки и другія интересныя для себя новости и перемены.

которое подобіе этого чувства мы испытываемъ во время путешествія, когда очутимся впервые среди отличной отъ нашей родины природы, среди горъ, южной растительности, на берегу моря. Дѣтская радость озаряетъ на минутку жизнь взрослого при первомъ привѣтѣ любви, какомъ-нибудь неожиданномъ успѣхѣ и т. д., но для этого очевидно нужны въ жизни старшихъ особенно благоприятныя, изъ ряда вонъ выходящія условія, и исключительность этихъ моментовъ такъ сильно дѣйствуетъ, что мы эти ощущенія воспринимаемъ нѣсколько болѣзненно; у ребенка эти аффекты вызываются несравненно легче, слѣдуютъ чаще и воспринимаются поэтому лучше.

Наблюдательность и воспріимчивость къ окружающимъ явленіямъ и событіямъ, кромѣ дѣтей, знаменуетъ также исключительныя счастливыя натуры среди старшихъ. Эти люди сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ до старости и дѣтскую жизнерадостность и безпечность. Но чтобы удостоиться этой счастливой участи, нужно не только имѣть и сохранить свѣжій умъ, но уберечься также въ жизни отъ власти страстей, которыя дѣлаютъ человѣка удивительно равнодушнымъ къ окружающимъ его красотамъ и суживаютъ духовный кругозоръ, точно запрягая въ свою колесницу, онѣ надѣваютъ на человѣка наглазники.

Въ одной средневѣковой психологической поэмѣ авторъ, желая описать переходъ отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту, говоритъ, что для юнаго его героя перестала существовать ширь и даль міра, яркая зелень полей, всѣ краски поблекли въ его глазахъ и потускнѣли. Пожалуй, и теперь нельзя лучше отѣнить этого перелома.

Послѣ сказаннаго мнѣ пожалуй не нужно особо оговариваться, какую медвѣжьёю поистинѣ услугу оказываютъ тѣ изъ родителей, которые спѣшатъ утомить и притупить въ дѣтяхъ воспріимчивость, доставляя имъ сильныя ощущенія, въ видѣ раннихъ поѣздокъ за границу, блестящихъ зрѣлищъ, публичныхъ баловъ, соблазнительныхъ книгъ, или уничтожая въ нихъ разносторонность,

развитіемъ въ нихъ исключительнаго пристрастія къ спор-тамъ, танцамъ, театру. Они искажаютъ и сокращаютъ вѣкъ счастливаго дѣтства и портятъ и обезсиливаютъ для будущаго. Кто въ дѣтствѣ созрѣваетъ, тотъ старится, едва достигнувъ зрѣлаго возраста.

Я только что поставилъ дѣтей рядомъ съ людьми талантливыми. Это сравненіе можетъ показаться страннымъ тому, кто привыкъ на ребенка огульно смотрѣть съ пренебреженіемъ. На самомъ дѣлѣ есть у дитяти духовныя свойства, которыми оно превосходитъ средняго взрослого,— это именно воспріимчивость и пытливость. Можно безъ всякой натяжки утверждать, что въ этомъ пунктѣ ребенокъ сходенъ даже съ геніемъ, хотя, конечно, такимъ образомъ не дается еще характеристика генія или таланта.

Видя, съ какою сосредоточенностью дѣти останавливаются на какой-нибудь мелочи—камешкѣ, цвѣткѣ и т. п., или передаютъ вамъ незамѣченные взрослыми подробности и мелочи, ихъ невольно уподобляешь какому-нибудь естествоиспытателю или кропотливому реалисту-художнику: и здѣсь и тамъ то же безпристрастіе, та же неприхотливость въ выборѣ предметовъ изученія. Но, конечно, разница между ними громадная: ученый, писатель сознательно и неумоимо слѣдуютъ въ извѣстномъ направленіи, достигаютъ въ концѣ-концовъ результатовъ и находятъ въ этомъ высшее наслажденіе; ребенка знаменуетъ крайняя поверхностность и хаотичность, во-первыхъ, потому, что вниманіе ребенка произвольно, не управляется внутреннимъ единымъ сознаніемъ, но слѣдуетъ по направленію случайныхъ внѣшнихъ приманокъ; во-вторыхъ, маленькій умъ его, подобно маленькому его желудку, быстро наполняется и пресыщается: въ немъ нѣтъ силъ быть настойчивымъ, какъ настойчиво сѣютъ взрослые, чтобы жать, и жнуть, чтобы сѣять. Отсюда крайнее непостоянство и неугомонность, обусловливаемая быстро перемежающимися моментами скуки и утомленія, отсюда

и то, что ребенокъ все разрушаетъ и ничего не создаетъ.

И еще въ одномъ отношеніи на сторонѣ взрослого работника большое преимущество передъ дитятей. Взрослый болѣе практиченъ, умудренъ опытомъ другихъ, имѣетъ возможность лучше себя оградить отъ возможныхъ непріятныхъ послѣдствій своихъ дѣйствій, чѣмъ раздѣляющій его пытливость и дѣловитость, но за все принимающійся зря ребенокъ. Ребенокъ, какъ извѣстно, ежеминутно горько платится за свою любознательность, и минуты радости смѣняются болѣзненнымъ разочарованіемъ. Вотъ его прельстилъ огонь, онъ протягиваетъ къ нему ручонки и обжигаетъ ихъ, онъ занялся ножикомъ, и послѣдствіемъ этого—порѣзъ пальца и т. д. до безконечности.

Если изреченіе апостола: «Все испытайте и лучшаго держитесь», разсматривать, какъ девизъ всей жизни, то несомнѣнно первая его менѣе пріятная половина составляетъ преимущественно задачу дѣтства и юности, а вторая выпадаетъ на долю ужъ послѣдующей жизни. Многіе изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, въ дѣтствѣ тонули или горѣли, всѣ мы въ малолѣтствѣ получали ушибы, раны, испытывали ужасъ паденія, насъ кусали, царапали, щипали, жалили, лягали, бодали разныя животныя, били сверстники и т. д. и т. д. Обо всемъ этомъ можно теперь, конечно, вспоминать съ улыбкой, но въ оное время было не до смѣха, потому что душевныя и тѣлесныя страданія во всѣхъ этихъ случаяхъ были крайне остры.

Еще намъ остается сказать слово о собственныхъ научныхъ занятіяхъ. Старинная, избитая, но тѣмъ не менѣе правдивая поговорка гласитъ, что «корень ученія горекъ», и это совершенно соотвѣтствуетъ тому общему закону, приведенному нами выше, что всякое первоначальное проявленіе жизни, прежде чѣмъ доставлять удовольствіе, должно быть непріятнымъ. Что бы ни говорили сторонники игривой науки, ученіе, поскольку оно заслуживаетъ этого

названія, останется *трудомъ* (Ушинскій, Кантъ, Пэре и друг.), къ которомуurioхотить можно сначала только посторонними средствами; его никогда не удастся для ребенка сдѣлать столь привлекательнымъ, чтобы этотъ трудъ былъ самъ по себѣ наслажденіемъ и наградой. Для этого, съ одной стороны, ребенокъ, помимо относительной древности культуры и трудовой дѣятельности его предковъ, слишкомъ мало приспособленъ въ смыслѣ наслѣдственности, съ другой стороны, трудъ ученія слишкомъ интенсивенъ и напряженность его растетъ съ каждымъ почти поколѣніемъ. Достаточно вспомнить, что скромные школьные предметы содержатъ въ сущности опытъ и итоги духовной работы всего человѣчества чуть не до новѣйшихъ временъ (географія, физика, математика, языки).

Что эти итоги подносятся въ извлеченіяхъ и самой отвлеченной формѣ—это, конечно, дѣлаетъ болѣе возможнымъ ихъ скорое усвоеніе, но отнюдь не дѣлаетъ ихъ заманчивыми и интересными для дѣтскаго ума, падкаго на реальныя частности, но не особенно расположеннаго въ первое время къ обобщеніямъ.

Взрослые дѣйствительно пожинаютъ сладкіе плоды, для нихъ самъ дальнѣйшій трудъ можетъ быть сладокъ въ силу наросшаго запаса духовныхъ силъ и матеріала, въ силу легкости и совершенства апперцепции; что же касается дѣтей, то ученіе составляло и будетъ составлять минусъ въ ихъ бюджетѣ довольства. Они будутъ всегда платиться за быстрый умственный прогрессъ человѣчества и, питаясь пока одними горькими корешками, съ недовѣріемъ слушать увѣренія о сладости недоступныхъ для нихъ плодовъ.

Умственная жизнь дитяти, несмотря на свѣжій интересъ къ жизни, которымъ обладаютъ въ такой степени дѣти, все-таки содержитъ, какъ мы только что видѣли, досадную примѣсь непріятнаго. «Гдѣ же тѣ чистыя радости дѣтства, когда же будетъ о нихъ рѣчь?» спросятъ

пожалуй меня разочарованные слушатели. «Мы прослушали длинный рассказ о безсиліи младенца, о болѣзненности ранняго дѣтства, думали отдохнуть на болѣе отраднхъ мысляхъ, когда зашла рѣчь о духовной въ тѣсномъ смыслѣ жизни дитяти, но и эта сторона дѣтской жизни омрачается то тѣмъ, то другимъ».

Но вѣдь я и въ началѣ не обѣщалъ изобразить жизнь дитяти сплошнымъ праздникомъ. Самому отрадному въ ней, именно роли родителей, нами было посвящено достаточно вниманія, все остальное, изъ чего слагается дѣтская жизнь, составляютъ радости, смѣшанные съ горемъ, въ нѣсколько отличномъ видѣ и отношеніи, чѣмъ въ позднѣйшей жизни, но все-таки по разъ установленному для всѣхъ смертныхъ закону.

Вѣрованіе въ дѣтское счастье возникло въ силу простого самообольщенія, по общеизвѣстной психологической формулѣ, что человѣкъ вѣрить охотно тому, чего желаетъ. Люди увѣрили себя, что ихъ дѣти счастливы потому, что чадолюбивые люди стараются ихъ сдѣлать таковыми и неохотно допускаютъ тщетность своихъ усилій. Внѣшнимъ поводомъ къ этому самообману служить то обстоятельство, что источники страданій дѣтей и взрослыхъ довольно различны: большинство причинъ горя и заботъ старшихъ для дѣтей не существуетъ, дѣтей не тревожитъ имущественный вопросъ, они чужды страстей и опасеній старшихъ. Что у нихъ зато есть свои собственныя причины страданій, съ этимъ не легко согласиться, да притомъ эти причины представляются слишкомъ ничтожными.

Вотъ какимъ образомъ сложилось, мнѣ кажется, и держалось преувеличенное представленіе о блаженствѣ дѣтскаго возраста. Но этимъ дѣло не кончается. Любое неосновательное мнѣніе, явное даже суевѣріе, лишь оно только стало популярнымъ и укоренилось, оно непременно находитъ своихъ глашатаевъ и защитниковъ въ печати, въ литературѣ. Насъ поэтому не можетъ смущать, если и дѣтскому счастью посвящались и посвящаются

обширныя восхваленія въ родѣ появившагося въ прошломъ году объемистаго трактата мало извѣстнаго автора Г. Останина подъ заглавіемъ «Факторы дѣтскаго счастья», въ которомъ дѣтскій возрастъ изображенъ, какъ «непрерывная цѣпь наслажденій», «сплошная полоса лучезарнаго сверкающаго счастья безъ перерывовъ и помѣхъ» (sic!), «одинъ прекрасный майскій день съ яснымъ небомъ» и т. д. на протяж. 248 страницъ. Авторъ не обнаружилъ способности критически разобраться въ матеріалѣ, взялся за дѣло съ предвзятымъ намѣреніемъ и написалъ на разъ заложенный мотивъ много малосодержательныхъ главъ, но писалъ съ такимъ добрымъ чувствомъ и книжка его такъ полна похвальныхъ пожеланій, что я готовъ ее рекомендовать, какъ симпатичное лирическое произведеніе, какъ пищу сердцу въ минуту, когда нужно дать отдыхъ уму.

Здѣсь кстати будетъ привлечь къ дѣлу и другое очень близкое явленіе, болѣе еще странное, чѣмъ мнѣ о дѣтскомъ счастьи, но тѣмъ же самымъ способомъ легко объяснимое: я имѣю въ виду ложное совершенно сужденіе родителей о достоинствахъ ихъ дѣтей, такъ называемую родительскую слѣпоту (выраженіе это заимствовано мною изъ одного французскаго сочиненія, почему прошу за него на меня не обижаться). Оба явленія (т.-е. мнѣ о дѣтскомъ счастьи и заблужденіе относительно ихъ достоинствъ) имѣютъ прямую связь: разъ мы думаемъ, что дѣти наши— воплощеніе всѣхъ совершенствъ или святыхъ, мы въ правѣ далѣе предполагать, что они и счастливы, потому что ангеламъ подобаешь обитать на небесахъ, вкушать чистыя радости, а предполагаемъ мы все это потому, что опять таки въ дѣтяхъ не находимъ того зла, которое замѣчаемъ въ себѣ и другихъ взрослыхъ, или вѣрнѣе не находимъ его только въ томъ именно видѣ и въ тѣхъ именно проявленіяхъ, которыя свойственны исключительно старшему возрасту.

Я, впрочемъ, далекъ отъ того, чтобы отнести къ этому

стремленію родителей—видѣть только хорошее въ дѣтяхъ—съ непочтительностью. Для меня это желаніе и это обольщеніе не что иное, какъ смутное предчувствіе человѣчества, что ему дано безконечно совершенствоваться въ грядущихъ поколѣніяхъ. Выслушивая терпѣливо, какъ подчасъ нѣжные родители расточаютъ незаслуженныя похвалы своему дурному дѣтищу и приписываютъ ему вовсе не-свойственныя способности и достоинства, я всегда въ душѣ повторяю себѣ: «да, вы этого всего желаете для него, и эти всѣ прекрасныя качества, хотя и отсутствуютъ у него, явятся у его близкихъ или дальнихъ потомковъ, а если не у его потомковъ, то непременно уже у потомковъ другихъ людей. Вы это угадываете и говорите о будущемъ, какъ о настоящемъ».

Гете, говоря въ одномъ мѣстѣ о первой любви и взаимномъ невольномъ обольщеніи влюбленныхъ другъ въ друга, замѣчаетъ: «Природа, кажется, хочетъ, чтобы одинъ полъ въ другомъ наглядно узрѣлъ добро и красоту». Мы въ «pendant» къ этому прибавимъ отъ себя, что родителямъ дано воочію видѣть въ своихъ дѣтяхъ лучшее будущее человѣчества.

Но какъ послѣдующая супружеская жизнь влюбленныхъ не складывается согласно тому, какія качества приписывали они себѣ взаимно въ минуты перваго очарованія, такъ и ослѣпленіе родителей не дѣлаетъ дѣтей лучше. Самое любезное заблужденіе должно въ окончательномъ исходѣ принести разочарованіе и вредъ, если оно получило лишній вѣсъ.

Замѣчательно, что въ лѣтописи человѣчества есть какъ будто періоды особаго превозношенія извѣстнаго пола или возраста: я укажу только на несообразный культъ женщины въ средніе вѣка. Въ настоящее время есть основаніе остерегаться такого обольщенія дѣтской натурой. Не даромъ одинъ современный фельетонистъ изобрѣлъ остроумное названіе «педократіи» (владычества дѣтей) для нынѣ дѣйствующихъ порядковъ въ семьѣ, школѣ и обще-

ствѣ. Исторія доказываетъ, что послѣ преувеличеннаго почитанія женщины послѣдовало ея нравственное и общественное униженіе. Поэтому мы оправданы въ глазахъ самыхъ чадолюбивыхъ людей, если, говоря о нравственномъ обликѣ дѣтей, лишаемъ ихъ придѣланныхъ имъ фальшивыхъ крыльевъ и сіянія и изображаемъ нѣсколько неприглядно, зато правдиво ихъ радости и страданія, вытекающія часто изъ нравственнаго ихъ несовершенства.

Мы утверждаемъ, что дитя въ нравственномъ отношеніи не ангелъ, даже если оно съ внѣшней стороны и похоже на ангела, или, вѣрнѣе, если ангеловъ изображаютъ похожими на дѣтей. Но что же оно въ такомъ случаѣ?

Есть большой соблазнъ впасть въ другую крайность и признать его сначала звѣрькомъ, а затѣмъ дикаремъ.

Къ этому располагаетъ въ особенности исторія развитія маленькаго организма съ момента его зарожденія. До своего появленія на свѣтъ человѣкъ проходитъ стадіи развитія, соотвѣтствующія разнымъ ступенямъ зоологической лѣстницы, начиная съ самыхъ низкихъ организацій. Даже родившись уже, младенецъ обладаетъ качествами, которыя какъ будто приближаютъ его къ животнымъ: такъ, онъ часто является на свѣтъ весь покрытый нѣжными волосами (*lanugo prima*), которые затѣмъ теряются, на спинѣ приносятъ часто колющія его самого щетинки. Извѣстно также наблюденіе одного врача (Л. Робинсонъ), что новорожденные способны уцѣпиться верхними конечностями и повиснуть на горизонтальной палочкѣ—дѣйствіе обычное у обезьянъ, а среди людей практикуемое теперь исключительно гимнастами. Но и въ нравственномъ отношеніи жадность, необузданность, жестокость, безпечность оказываются общими, какъ для ребенка, такъ и для некультурнаго взрослого.

Если съ одной стороны полное отождествленіе жизнедѣятельности младенца съ таковою же у животныхъ и дикарей слѣдуетъ назвать увлеченіемъ теоріей эволюціи, то съ другой—нельзя отрицать большаго сходства жизни

ребенка съ животнымъ и первобытнымъ человѣкомъ, чѣмъ съ культурнымъ взрослымъ. Сходство это происходитъ отъ того, что въ юномъ организмѣ всѣ способности пробуждаются въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ онѣ были усвоены предками, т.-е. чѣмъ ранѣе онѣ въ нихъ развились и чѣмъ большій рядъ поколѣній ими обладалъ, тѣмъ скорѣе и сильнѣе онѣ обнаруживаются во вновь родившемся потомкѣ.

Но такъ какъ болѣе позднія качества, пріобрѣтенныя болѣе близкими предками и, наконецъ, лично производителями, не могутъ не видоизмѣнять первобытныхъ качествъ и въ свою очередь не могутъ не сказываться въ натурѣ ребенка съ начала его жизни, то нечего опасаться, чтобы онъ былъ точной копіей своихъ отдаленныхъ предковъ въ самый краткій періодъ своей жизни.

Ту дань, которую ребенокъ платитъ своими первоначальными наклонностями отдаленному прошлому человечества, можно, мнѣ кажется, лучше всего опредѣлить, признавъ, что каждое новое изданіе человѣка приносить на первыхъ своихъ страницахъ что-то въ родѣ историческаго введенія, краткія безстрастныя воспоминанія о прошломъ, лишенныя той силы, устойчивости и актуальности, которыми обладаетъ настоящее.

Всѣ первичныя склонности дѣтей отличаются именно непостоянствомъ и безцвѣтностью и поддаются обыкновенно легко воздѣйствію воспитанія. Приведемъ для примѣра очень распространенную въ извѣстный только періодъ дѣтства страсть къ хищенію, которая обыкновенно исчезаетъ даже безъ особаго воздѣйствія со стороны воспитателей, такъ сказать, сама собою *).

Не менѣе поучителенъ слѣдующій примѣръ изъ умственной сферы: такъ называемый міѳологическій періодъ въ

*) Шольцъ, говоря объ этомъ спонтанномъ самопроизвольномъ исправленіи въ связи съ общимъ этическимъ развитіемъ, прибавляетъ, что въ послѣдствіи грѣхи дѣтства становятся даже непонятными для подростковъ (Dr. Friedrich Scholz, Die Charakterfehler des Kindes, S. 141).

дѣтствѣ, когда ребенокъ, подобно дикарю, «надѣляетъ жизнью и чувствомъ неодушевленные предметы, олицетворяетъ ихъ, иной разъ обожествляетъ, точно такъ же, какъ очеловѣчиваетъ животныхъ». Разница между ребенкомъ и дикаремъ остается все-таки та, что въ ребенкѣ эта склонность имѣть болѣе или менѣе игривый только характеръ, въ то время какъ антропоморфизмъ дикаря — серьезное, неискоренимое вѣрованіе. Еще одинъ примѣръ: ребенокъ нашего времени можетъ быть одинаково жестокимъ, безжалостнымъ, какъ чловѣкъ древности, но онъ въ то же время выше, пожалуй, перваго мудреца древности Аристотеля, создавшаго научную теорію рабства, потому что у ребенка XX столѣтія очень легко можетъ произойти душевная реакція, онъ можетъ предвосхитить заповѣдь о ближнемъ, прежде еще, чѣмъ она будетъ ему сообщена; Аристотель же пытался въ цѣломъ рядѣ разсужденій отыскать философское начало въ оправданіе рабства и, несмотря на напрашивающіяся среди нихъ возраженія и встрѣчаемыя затрудненія, не созналъ всей ложности своего ученія.

Ребенокъ можетъ и долженъ быть разсматриваемъ близкимъ къ первобытному состоянію, но во всякомъ случаѣ это переизданный дикарь, снабженный поправками и опроверженіями, которыя воспитателю остается подчеркивать, чтобы онѣ получили первенствующее значеніе въ дальнейшей жизни ребенка.

Установивъ такимъ образомъ свою точку зрѣнія на нравственный обликъ ребенка, мы можемъ теперь обратиться снова къ нашей задачѣ и попытаться опредѣлить, какія радости и печали возникаютъ специально для ребенка изъ описаннаго склада его души.

Для начала намъ приходится разрѣшить еще общій вопросъ, безъ котораго трудно разобраться въ нравственныхъ страданіяхъ и радостяхъ, это именно: существуютъ ли въ дѣтскомъ возрастѣ *страсти*.

Если подъ словомъ страсть подразумѣвать постоянное, прочно завладѣвшее сознаниемъ и непоборимое влеченіе, то ребенокъ можетъ быть признанъ свободнымъ отъ страстей; онъ исключительно подверженъ вспышкамъ краткихъ аффектовъ, которые имѣютъ такое приблизительно отношеніе къ страстямъ, какъ зарницы къ грозѣ. Страсть для своего развитія и существованія требуетъ болѣе прочной почвы, чѣмъ та, которую представляетъ измѣнчивая слабая натура дитяти, страсть заставляетъ предполагать запасъ скрытыхъ силъ, которыхъ нѣтъ у ребенка. Можетъ быть, покажется страннымъ, но это все-таки вѣрно, что страсть требуетъ извѣстной культуры—извращенной, но все-таки культуры; ее воспитываютъ люди, какъ и все другое. Поэтому чужды страстей, кромѣ дѣтей, животныя и дикари; у послѣднихъ ее прививаютъ, впрочемъ, легко культурные люди.

Быть свободнымъ отъ страстей—это, конечно, большое преимущество дѣтей. Это равносильно, какъ указываетъ сама этимологія слова, *страсть* съ тѣмъ, что человѣкъ избавленъ отъ *страданій*. Но какъ я уже замѣтилъ, есть нѣчто, что замѣняетъ у дѣтей страсти—это именно аффекты. Поэтому ихъ блаженство далеко не полно, и можно сказать, что они занимаютъ среднее мѣсто между людьми, сдѣлавшимися жертвами какихъ-либо страстей, и счастливыми уравновѣшенными натурами взрослыхъ, пріобрѣвшихъ стоическое міровоззрѣніе и удовлетворительность. Въ сравненіи съ первыми дѣти, конечно, счастливѣе, такъ какъ они не приневолены путаться въ тенетахъ вѣчно однихъ и тѣхъ же вождельнѣй, въ сравненіи съ удовлетворенными и примиренными съ жизнью взрослыми они однако менѣе счастливы, потому что ихъ дергаютъ и терзаютъ въ разныя стороны вспыхивающіе всевозможные аффекты.

Привычка, составляющая достояніе взрослыхъ и недостающая дѣтскому возрасту, не только пріучаетъ насъ благоразумно «протягивать ножки по одежкѣ», но заста-

вляєть насъ любить, дорожить своей одежкой и положеніемъ и находить въ немъ прочное удовлетвореніе *). Ребенокъ не знаетъ предѣловъ своимъ желаніямъ, онъ протягиваетъ свои ручонки къ лунѣ, если ее увидить; съ другой стороны, если бы ему достались въ руки Великій Моголь и другія драгоцѣнности міра, онъ бы ихъ скоро забросилъ, какъ вещи, приглядывшіяся ему и надоѣвшія, т.-е. истощившія его слабый поверхностный интересъ. Указанныя двѣ особенности дѣтской души не могутъ, конечно, выгодно вліять на его внутреннее благополучіе. Правда, зато у ребенка нѣтъ ничего непригоднаго. Куски стекла, бумажки способны его занять и обрадовать. Вмѣсто звѣздъ съ неба, которыя онъ добивается получить, ему можно поднести металлическую пуговицу, и онъ окажется вполне удовлетвореннымъ и забудетъ о своихъ титаническихъ затѣяхъ. Это, конечно, большой плюсъ въ пользу ребенка, потому что взрослый, встрѣтившій отказъ, обыкновенно пренебрегаетъ даже гораздо болѣе цѣнными, чѣмъ пуговица, возмѣщеніями и жалѣетъ о недостигнутомъ.

Въ общемъ можно утверждать, что дѣти живѣе реагируютъ на всѣ раздраженія, и поэтому ихъ *отдѣльныя* ощущенія, какъ это сейчасъ увидимъ изъ подробнаго обзора эмоцій, сильнѣе. Зато чувствованія ребенка несвязны **). Ребенокъ также избавленъ отъ накопленія, нарастанія чувствъ до большихъ размѣровъ, и поэтому хотя его чувствилище работаетъ, говоря языкомъ фотографовъ,

*) „Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастью она“.

**) Сравнивать, соображать, утѣшаться — не свойственно ребенку. Пословица „нѣтъ худа безъ добра“ и т.п. непонятны ему. Зато „лучше синица въ рукахъ (сегодня), чѣмъ журавль въ небесахъ (завтра)“—это настоящая дѣтская пословица. Опасенія не портятъ ребенку удовольствія, надежды не облегчаютъ горя и лишеній. Онъ весь въ настоящемъ, которое кажется ему вѣчностью, потому что онъ ничему не предусматриваетъ конца.

контрастно, бѣлымъ и чернымъ, жизнь ребенка въ совокупности протекаетъ гораздо однообразнѣе. Можно даже сомнѣваться, есть ли у ребенка одна жизнь: у него столько жизней, сколько дней.

Возбудимость взрослыхъ меньше, поэтому всѣ постороннія воздѣйствія, не касающіяся ихъ «слабыхъ (или сильныхъ?) сторонъ», незамѣтны, и жизнь на всемъ своемъ протяженіи въ сравненіи съ дѣтствомъ дѣйствительно похожа на «беззвѣздное и безоблачное небо», т.-е. въ ней больше безразличнаго, неопредѣленнаго. Зато эпизодически врываются мощно въ нее страсти, какъ послѣдствія способности нагромождать въ себѣ однородныя чувства и обрисовываютъ нѣсколькими рѣзкими штрихами всю нашу житейскую фізіономію.

Говоря объ эмоціяхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, психологи занимаются предпочтительно страхомъ и гнѣвомъ, но генетическій и хронологическій порядокъ ставить по-моему на первомъ мѣстѣ *жадность*, которой я и займусь прежде всего. Источникомъ и первичной формой жадности является голодъ. Потребность въ новой и новой пищѣ вообще, кажется, поселила на землѣ вражду, а человѣка сдѣлала воинственнымъ и собственникомъ. Ребенокъ, какъ я уже упоминалъ, вслѣдствіе маленькаго размѣра желудка и связаннаго съ ростомъ огромнаго расхода органическаго матеріала является природнымъ, такъ сказать, обжорой. Въ этомъ попрекаетъ его цѣлый рядъ наблюдателей.

«Въ теченіе продолжительнаго времени живѣе всего воспринимаются ребенкомъ ощущенія, связанныя со вкусомъ». «Обжорство—это первая страсть».

Постепенно на этой фізіологической подкладкѣ развивается общая жадность. Переходъ этотъ происходитъ наглядно, потому что ребенокъ вначалѣ все поразившее его пріятно *) схватываетъ исключительно для того, что-

*) Указываемъ на этимологію самого слова „пріятный“, далѣе на распространенное значеніе „вкуса“, „сладости“.

бы поднести ко рту. «Палець матери, лоскутокъ, палочка, коробка, цвѣты испытываютъ одинаковую участь. Заповавъ красивую картину, прельстившую его своими яркими красками, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ сунуть ее себѣ въ ротъ».

Впослѣдствіи, когда ребенокъ избавится отъ этой своей маніи, сама страсть все присваивать отъ этого вовсе не слабѣетъ. Наоборотъ, его пріобрѣтательскія склонности и притязанія на власть разрастаются до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ что способны довести до отчаянія всѣхъ теоретическихъ противниковъ собственности.

Очень правильно замѣчаетъ по этому поводу одинъ французскій писатель: «Себялюбіе и стремленіе къ обладанію являются въ первыхъ ощущеніяхъ чѣмъ-то смѣшаннымъ и смутнымъ, прежде чѣмъ они перейдутъ въ область человѣческаго сознанія! Живое существо склонно съ раннихъ поръ считать *своимъ* то, что доставляетъ ему удовольствіе. Предметъ пріятный или полезный представляется ему какъ бы продолженіемъ его собственной личности, и всякая попытка отнять у него этотъ предметъ раздражаетъ его».

Каждый маленькій ребенокъ, родись онъ даже у нищихъ въ подвалѣ, проявляетъ сначала такіа притязанія и властолюбіе, какое среди взрослыхъ мы встрѣчаемъ развѣ у избалованныхъ дикихъ деспотовъ древности; и изъ каждаго изъ дѣтей безъ воспитанія могъ бы еще и нынѣ вырасти «властелинъ міра», строящій себѣ пирамиды, наказывающій море или сжигающій для развлеченія столицы. Дитя въ началѣ только и знаетъ себя на Божьемъ свѣтѣ, оно какъ будто проникнуто своею важною и всѣми силами старается удостовѣрить истинность берневскаго парадокса, что «дитя въ хижинѣ имѣетъ больше значенія, чѣмъ старецъ на тронѣ». Говоря современнымъ, моднымъ языкомъ, оно является маленькимъ сверхчеловѣкомъ во вкусѣ Ницше и объявляетъ борьбу за власть цѣлому свѣту—смѣшную, если принять въ сообра-

женіе его крохотныя средства, печальную, если имѣть въ виду только его самочувствіе и послѣдствія этой напрасной борьбы.

Такая первоначальная неприспособленность къ внѣшней необходимости, такая практическая несообразность являются источникомъ постоянныхъ дѣтскихъ страданій. Сколько, подумайте, лишеній приходится вынести каждому такому претенденту, пока его непомѣрные аппетиты не помѣстятся въ рамкахъ возможнаго и разрѣшеннаго ему, въ рамкахъ, которыя какъ разъ для дѣтскаго возраста—положительно ничтожныхъ размѣровъ, потому что ихъ суживаютъ не только естественный порядокъ вещей, безпомощность дитяти, экономическое положеніе семьи, но и прихоть всѣхъ старшихъ, отъ которыхъ дитя такъ или иначе зависитъ. Достаточно указать на одни механическія приспособленія для плѣненія маленькихъ узниковъ, пеленки, свивальники, задвижныя креслица, дѣло которыхъ въ школьный періодъ продолжаютъ классъ и такъ называемый хорошій тонъ.

Постоянные конфликты притязаній дитяти съ дѣйствительнымъ строемъ жизни, какъ уже упоминалось вскользь, служатъ источникомъ частаго раздраженія, вызываютъ эмоціи гнѣва и зависти, которыя безъ вышеприведенныхъ объясненій, пожалуй, были бы непонятны. Гнѣвъ и зависть пробуждаются необыкновенно рано. «Въ ребенкѣ едва еще просыпается сознаніе, однако онъ по-своему протестуетъ, когда на его глазахъ кормилица прикладываетъ къ груди другого ребенка» *).

Мы встрѣчаемъ тотъ же инстинктъ у маленькихъ и большихъ животныхъ: они считаютъ своею собственностью найденную ими пищу и защищаютъ ее клювомъ, когтями или зубами отъ всякаго похитителя, пытающагося урвать

*) Я видѣлъ, говорить Св. Августинъ, капризнаго ребенка; онъ не умѣлъ еще говорить, а ужъ съ блѣднымъ, раздраженнымъ отъ гнѣва лицомъ смотрѣлъ на брата, котораго кормила мать (Признаніе, кн. I, гл. VII, и).

свою долю. Но претензіи ребенка, какъ и подобаетъ для настоящаго царевича природы, простираются гораздо дальше, чѣмъ у животныхъ. «Все, что онъ схватить, а онъ стремится схватить почти все, что увидить, дѣлается въ его рукахъ его игрушкой, и уже шестимѣсячное дитя громко кричить и плачетъ, когда у него берутъ игрушки». Иногда его домогательства и посягательства имѣютъ положительно карикатурный характеръ.

Такъ, рассказываетъ Пэре, одна одиннадцатимѣсячная дѣвочка пришла въ ужасный гнѣвъ отъ того, что ей не удалось поймать носа дѣдушки (авторъ умалчиваетъ скромно о цвѣтѣ этого замѣчательнаго носа). Другая—двухлѣтняя—напала внезапно на улицѣ на незнакомую совершенно сверстницу, у которой оказалась такая же кукла, какъ и у нея, царакала ее, била и кусала, пока не вмѣшались старшіе и не спасли невинной жертвы. Этотъ сильный гнѣвъ повлекъ за собою трехдневную болѣзнь дѣвочки. Мальчики, по моимъ наблюденіямъ, мало уступаютъ дѣвочкамъ. У служащей у насъ кухарки есть сынишка лѣтъ четырехъ. Каждый разъ, когда къ столу готовится пирогъ, печется для него спеціально маленькій пирожокъ. Недавно онъ напроказничалъ, и за это ему въ шутку было объявлено, что на этотъ разъ онъ своего пирога не получитъ, и что таковой съѣмъ я. Тогда онъ затѣялъ нѣчто въ родѣ *coup d'etat*, сталъ тайкомъ приставать къ матери, чтобы она испортила намъ весь обѣдъ. Всѣмъ извѣстно, что дѣтскій гнѣвъ не ограничивается одушевленными существами, но простирается и на мертвую природу. Сынъ Дарвина, будучи семи мѣсяцевъ, пришелъ въ страшный гнѣвъ, потому что отъ него отказался лимонъ и онъ не могъ достать его руками.

Психологъ Селли замѣчаетъ: «Первыя испытанія ограниченія воли и неудачи замысловъ сопровождаются мучительными страданіями. Одинъ мальчикъ, не многимъ старше года, если ему сопротивлялись, бросался на полъ и бился головой объ землю, другой кусалъ коверъ, тре-

тѣй катался по полу, что было выраженіемъ высшаго отчаянія. Такія страданія», заключаетъ авторъ, «непосредственное послѣдствіе встрѣченнаго сопротивленія».

Къ счастью всѣ подобные приступы скоропреходящи. У нормальнаго ребенка гнѣвъ въ рѣдкихъ случаяхъ продолжается долго или переходитъ въ постоянную злобу. Дѣти по природѣ незлопамятны. Извѣстно, какъ легко примирить подравшихся маленькихъ враговъ. Заставьте ихъ посмотрѣть другъ другу въ глаза, и сейчасъ свѣтлая улыбка сгонитъ тучку гнѣва съ гладкаго ихъ чела.

Въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ аффекты зависти у испорченныхъ дѣтей способны сливаться въ постоянную своего рода страсть. Я знаю въ одномъ полуинтеллигентномъ семействѣ дѣвочку, которая завоевала, такъ сказать, весь домъ; ради покоя, старшіе, напр., избѣгаютъ блюды, запрещенныхъ ей докторомъ, когда же ей было на дачѣ запрещено купаться, то она съ проницательностью и настойчивостью сыщика слѣдила весь день, чтобы служанки, идя за водой на рѣку, не уносили съ собой тайкомъ полотенецъ и не могли безъ нея выкупаться. Увидѣвъ *corpus delicti*, она бросалась, чтобы вырвать его у нихъ, дралась, бранилась и, наконецъ, съ воемъ бѣжала жаловаться къ своей довольно безтолковой матери. Лицо маленькой завистницы искажали злость и печаль. Дѣвочка эта учится уже въ гимназій.

Дѣти способны также ощущать ревность, которая не отличается въ сущности субъективно отъ зависти, но избираетъ только одушевленные предметы. По какому-то недоразумѣнію нѣкоторые относятъ ревность къ любви, забывая, что ревность есть чисто эгоистическое чувство, любовь же въ строгомъ смыслѣ представляется альтруистическимъ чувствомъ.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей эмоціи, преобладающей въ раннемъ возрастѣ съ большимъ ущербомъ для дѣтскаго благополучія,—къ дѣтскому *страху*. Страхъ—чувство врожденное (Дарвинъ, Прейеръ, Моссо), его при-

носить юная особь съ собою на свѣтъ сразу. Послѣдующій опытъ можетъ его только видоизмѣнить, развить или подавить. Наблюдали между прочимъ, что птенцы, выклевавшіеся въ безопасномъ закрытомъ помѣщеніи, тѣмъ не менѣе приходили въ ужасъ при первомъ приближеніи сокола. Наслѣдственностью объясняетъ также Анджело Моссо (авторъ популярной монографіи о страхѣ) боязнъ маленькихъ дѣтей передъ кошками и собаками, появляющуюся у нихъ раньше, чѣмъ они могли узнать настоящіе поводы этого чувства. Здѣсь же мы находимъ объясненіе, почему именно дѣти передъ всѣми другими возрастами подвержены чувству страха. Причиной этой, по мнѣнію автора, является дѣтское безсиліе. «Вся жизнь дитяти, — говоритъ онъ, — сосредоточивается въ волненіяхъ, слабость дѣлаетъ его боязливымъ и рисуетъ ему враговъ и опасности въ преувеличенныхъ размѣрахъ, превосходящихъ далеко его крошечныя силы». «Страхъ есть слабость», выражается кратко покойный Краффтъ Эбингъ.

Страхъ, испытуемый въ началѣ жизни, можетъ также по-моему быть смутнымъ отзвукомъ, видовой, такъ сказать, памятью о вынесенныхъ въ отдаленномъ прошломъ всѣмъ родомъ опасностяхъ и ужасахъ. Безмятежная—сравнительно съ непривѣтливомъ прошлымъ—современная жизнь заглушаетъ затѣмъ эту унаслѣдованную тревожность.

Что даже ничтожныя причины способны вызвать у ребенка чувство страха, это не даетъ, конечно, повода пренебрегать самымъ явленіемъ, сильно потрясающимъ его душу и тѣло, а наоборотъ, служить лишнимъ предостереженіемъ и свидѣтельствомъ о чрезвычайной возбудимости молодой нервной системы.

Дарвинъ рассказываетъ, что онъ однажды случайно чихнулъ въ присутствіи своего ребенка, имѣвшаго тогда 2 съ лишнимъ мѣсяца. Ребенокъ вслѣдствіе этого сильно встрепенулся, нахмурилъ лобъ, казался испуганнымъ и

началъ сильно кричать и еще часъ спустя послѣ того оставался въ состояніи, которое у взрослыхъ людей называли бы нервнымъ, такъ какъ малѣйшій шумъ пугалъ его.

Другой ребенокъ семи мѣсяцевъ видимо испугался, когда передъ нимъ открыли и закрыли вѣрѣ (Ф. Трэси).

Всемирно-извѣстнымъ примѣромъ служить эпизодъ изъ Иліады Гомера, сцена прощанія Гектора съ женой и сыномъ. Маленькій Астіанаксъ испугался шлема отца, когда герой пожелалъ въ послѣдній разъ приласкать малютку:

.... сына обнять устремился блистательный Гекторъ,
Но младенецъ назадъ пышнорозою кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшейся конскою гривой.

Маленькаго ребенка пугаетъ все новое, непривычное, всякая перемѣна обстановки, даже платье иного цвѣта на матери. Чужихъ людей, сильного шума, большихъ предметовъ, незаурядныхъ явленій природы боятся даже подростки.

Страхъ передъ реальными необыкновенными явленіями ребенокъ раздѣляетъ со всѣми животными, но, кромѣ того, за привилегію отвлеченнаго мышленія и пылкаго воображенія юная человѣческая особь платится особеннаго рода страхомъ: боязнью пустоты, мрака и одиночества, которая, кажется, чужда вовсе животнымъ.

Страхъ передъ ночью и мракомъ вытекаетъ у человѣка изъ невѣдѣнія, что кругомъ него происходитъ. Кромѣ того, темную комнату безпокойный умъ ребенка легче всего наполняетъ видѣніями, которыхъ затѣмъ самъ страшится, и поэтому онъ, очутившись впотьмахъ, испытываетъ душевныя пытки, доводящія часто до изступленія. «Гдѣ ребенокъ не видитъ ничего,—замѣчаетъ одинъ авторъ,—онъ воображаетъ все».

Въ одиночествѣ ребенокъ чувствуетъ болѣзненно недо-

статокъ въ опекѣ и «опорѣ его слабости». Онъ чувствуетъ себя покинутымъ, брошеннымъ. Компаре приводитъ по этому поводу каламбурныя слова одного ребенка, предостерегаващаго другого: «Не пойдемъ въ ту сторону, тамъ никого нѣтъ; насъ могутъ обидѣть».

Сёлли въ своей прекрасной главѣ о дѣтскомъ страхѣ приводитъ рядъ указаній, что ребенку свойственно испытывать испугъ пугливыхъ животныхъ, подозрительную робость и суевѣрный ужасъ некультурныхъ людей, боязнь новаго, такъ называемую неофобію, душевно отсталыхъ и помѣшанныхъ и тревоги и опасенія недужныхъ старыхъ страдальцевъ. Развѣ къ этому еще прибавить, что даже сонъ, это тихое пристанище отъ всѣхъ душевныхъ бурь, не избавляетъ ребенка отъ страха. Во время сна ребенокъ можетъ испытывать такія сильныя волненія страха, что они переходятъ въ настоящіе эпилептическіе припадки (Нотнагель).

Среди воспитателей очень распространено убѣжденіе, раздѣляемое между прочимъ Аксаковымъ и, если не ошибаюсь, проф. Сикорскимъ, которое дѣлаетъ всецѣло отвѣтственными за дѣтскій страхъ болтливыхъ простолюдиновъ (няньки и т. д.). Я усматриваю въ этомъ маленькую неточность и полагаю, что личнымъ вліяніямъ здѣсь приписывается слишкомъ большая вина: дѣти, какъ сказано, природные трусы въ силу естественныхъ условій, т.-е. безпомощности своей и неосвоенности. Если бы самый неустрашимый на землѣ взрослый былъ вдругъ перенесенъ въ чуждую совершенно среду съ иными явленіями природы, допустимъ, на планету Марсъ, гдѣ онъ не могъ бы приложить своего житейскаго (земного) опыта, онъ несомнѣнно убоился бы даже собственной тѣни, если бы она только падала иначе, чѣмъ у насъ здѣсь. То же и съ ребенкомъ, который долженъ пріобрѣсти еще всѣ свои практическія знанія.

Я уже упоминалъ, что власть страха не ограничивается первымъ дѣтствомъ, но является для большинства

еще бичомъ и въ школьный періодъ жизни. Какъ ни индивидуализировать воспитанниковъ одного класса, рѣшительныя мѣры, примѣняемыя къ тупымъ субъектамъ, будутъ держать въ вѣчномъ трепетѣ дѣтей съ чрезмерно впечатлительной натурой. Страхъ, напр., передъ вызовомъ у робкихъ учениковъ до того силенъ, что преслѣдуетъ въ видѣ сонныхъ грезъ даже пожилыхъ людей.

Вообще нельзя не признать справедливымъ мнѣнія Жоржъ - Зандъ, которая считаетъ страхъ самымъ тяжелымъ страданіемъ для дѣтей.

Правда, страшась сотни разъ того, чего не нужно все опасаться, дѣти иногда проявляютъ въ моментъ дѣйствительной опасности поразительное безстрашіе, такъ напр., они не боятся сначала—въ отличіе отъ всѣхъ животныхъ—огня. Но, очевидно, эта отвага, вытекающая изъ невѣдѣнія, не можетъ способствовать улучшенію ихъ общаго самочувствія, такъ какъ имъ какъ разъ въ этомъ направленіи предстоитъ дѣлать самые горькіе опыты и воспитать въ себѣ разумную опасливость.

Чтобы не быть несправедливымъ по отношенію дитяти, именно, какъ нравственнаго существа, мы, посвятивъ столько времени его эгоистическимъ эмоціямъ, не можемъ оставить неупомянутою одну, по крайней мѣрѣ, альтруистическую эмоцію, которая заслуживаетъ уже потому нашего вниманія, что проявляется въ дѣтствѣ съ особенною силой и достаточно часто, вслѣдствіе чего имѣетъ, конечно, свое вліяніе на общій балансъ дѣтскаго благополучія: это, именно, дѣтская участливость, жалостливость.

Признаки сочувствія наблюдалъ Дарвинъ у своего ребенка, когда послѣднему было немногимъ больше полугода: «оно выражалось грустнымъ выраженіемъ лица съ опущенными углами рта, когда нянька притворялась плачущей». Восьмимѣсячныя дѣти плачутъ уже, «когда кто-нибудь дѣлаетъ видъ, что хочетъ бить ихъ мать или няню или если услышать плачь другого ребенка».

Одни изъ первыхъ запомнившихся лучше Аксакову впечатлѣній—это его живое состраданіе къ больной сестрицѣ и участіе, которое онъ принялъ въ визжащемъ, заброшенномъ щеночкѣ. Эта черта характера ребенка проявлялась, впрочемъ, и раньше еще, до болѣзни сестрицы и его. «Сестрицу,—читаемъ мы уже на 4 стр.,—я любилъ сначала больше всѣхъ игрушекъ, больше матери, и любовь эта выражалась безпрестаннымъ желаніемъ ее видѣть и чувствомъ жалости: мнѣ все казалось, что ей холодно, что она голодна и что ей хочется кушать; я безпрестанно хотѣлъ одѣть ее своимъ платицемъ и кормить своимъ кушаньемъ; разумѣется, мнѣ этого не позволяли, и я плакалъ». Вынесенная тяжкая болѣзнь напрягаетъ эту струну его души еще больше; «чувство жалости,—читаемъ мы на 8-й стр.,—ко всему страдающему доходило во мнѣ въ первое время моего выздоровленія до болѣзненнаго излишества».

Но и впослѣдствіи, когда будущій писатель совершенно окрѣпъ, эта черта выступаетъ съ необыкновенной силой. Такъ, въ селѣ Парашинѣ, увидѣвъ въ мельницѣ дряхлаго, кашляющаго рабочаго, онъ началъ просить отца, «чтобы больного старичка положили въ постель и напоили чаемъ». Въ то время, какъ отецъ, дѣйствительно, принявъ участіе въ хворомъ крестьянинѣ, обращается съ упреками къ приказчику, мальчикъ, не зная отъ чего, «чувствуетъ внутреннюю дрожь», забываетъ о всѣхъ развлеченіяхъ и, возвратившись съ прогулки, заражаетъ своимъ горячимъ состраданіемъ мать свою.

Случаи, рассказанные намъ Аксаковымъ, не представляютъ, впрочемъ, еще, можно сказать, крайности, не выходятъ за предѣлы естественнаго и разумаго, какъ это бываетъ съ другими дѣтьми. Такъ, одинъ изслѣдователь сообщаетъ о ребенкѣ, который начиналъ издавать печальные звуки съ такимъ выраженіемъ лица, какое бываетъ при плачѣ, когда на фортепіано брали высокія ноты.

Другіе видѣли внѣшнія выраженія симпатіи уже у двухлѣтнихъ дѣтей «по поводу мнимыхъ страданій неодушевленныхъ предметовъ или при разсматриваніи картинокъ, изображающихъ страданіе». Ребенокъ этого возраста плакалъ, когда его куклѣ случалось обо что-нибудь удариться (Трэси).

Одна авторша рассказываетъ, что, будучи 2 лѣтъ отъ роду, она принимала живѣйшее участіе въ камешкахъ, лежащихъ на шоссеиной дорогѣ, размышляла о томъ, какъ имъ вѣроятно тяжело лежать смирно все на одномъ мѣстѣ и не видать ничего, кромѣ того, что происходитъ въ непосредственной близости. Отправляясь гулять, она брала нѣсколько такихъ камешковъ и уносила ихъ съ собою подальше, думая, какое они испытываютъ удовольствіе отъ перемѣны мѣста. Другая дѣвочка принесла матери осенью въ корзинкѣ сухихъ листьевъ, и когда мать похвалила ихъ красоту, дѣвочка воскликнула съ жаромъ: «Да, я знала, что ты, мамаша, полюбишь этихъ бѣдняжекъ, я не могла допустить, чтобы они умирали на землѣ!»

Кромѣ этихъ малолѣтнихъ анимистовъ, встрѣчаются и маленькіе позитивисты-филантропы.

Одна дѣвочка лѣтъ пяти или шести пришла однажды къ своей воспитательницѣ съ нѣжнымъ выраженіемъ въ лицѣ и сказала: «Мнѣ только что пришла въ голову новая мысль, когда я увидѣла въ деревнѣ дѣвочку въ голубомъ платочкѣ, которая плакала: я подумала, что хорошо было бы сдѣлать что-нибудь для всѣхъ на свѣтѣ».

Когда воспитательница возразила, что это невозможно при всемъ нашемъ желаніи, дѣвочка отвѣчала: «Однако мы за одинъ разъ можемъ помочь хотъ одному человеку, а вмѣстѣ это выйдетъ много» (Ф. Маллесонъ).

Маленькій Шиллеръ пришелъ однажды домой безъ пряжекъ на башмакахъ и рассказалъ отцу, какъ онъ отдалъ ихъ бѣдному мальчику, у котораго не было пряжекъ, и которому потому нечего было надѣть въ праздникъ.

Несомнѣнно и радостное настроеніе другихъ передается дѣтямъ очень живо. Веселое, привѣтливое лицо и слово ласки матери или кормилицы вызываетъ у ребенка отвѣтную улыбку уже на 2-ой мѣсяцъ. Такъ называемый подражательный смѣхъ является въ концѣ 1-го года, но на проявленія радостной симпатіи у дѣтей взрослыми обращается меньше вниманія, такъ какъ она сливается съ общимъ смѣшливымъ, веселымъ настроеніемъ ребенка. Я полагаю также, что къ горю чужому дѣти болѣе отзывчивы, чѣмъ къ радости, потому что печальное на землѣ имѣетъ скорѣе общедоступный характеръ, кругъ же радостей дитяти нѣсколько иной, чѣмъ взрослыхъ, и общеніе въ этой области устанавливается нѣсколько труднѣе.

Объ источникахъ самостоятельныхъ дѣтскихъ радостей нами уже сказано; здѣсь только кстати будетъ упомянуть, что эмоціи радости у дѣтей не менѣе живы, чѣмъ только что поименованныя другія. Маленькій Аксаковъ, получивъ въ подарокъ отъ родительскаго друга связку книжекъ «Дѣтскаго Чтенія», такъ обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику и, не помня себя, запрыгалъ и побѣждалъ домой. Дома, по словамъ матери, онъ былъ точно какъ помѣшанный, ничего не говорилъ, не понималъ, что говорятъ, и не хотѣлъ идти обѣдать. Похоже изображаетъ и Толстой свою радость въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», послѣ знакомства съ Сонечкой. Другіе примѣры, приведенные въ названной уже мною книгѣ «Факторы дѣтскаго счастья», пестрятъ отъ словъ: восхищеніе, восторгъ, упоеніе и т. д.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что въ общемъ чувства дѣтей крайне живы, единственное спасеніе, что они въ то же время крайне быстро проходятъ, а слѣдъ за ними также быстро затирается спѣшащими на смѣну противоположными ощущеніями, что и позволяетъ ребенку изъ дѣтства вынести невредимую нервную систему и память, не запруженную глубоко врѣзавшимися впечатлѣніями.

Я этимъ намѣренъ закончить обзоръ дѣтскихъ эмоцій. Мною, конечно, приведено только то, что составляетъ главную особенность дѣтскаго возраста. Обзоръ всѣхъ чувствъ нетипичныхъ, общихъ для всѣхъ возрастовъ и развивающихся у дѣтей послѣдовательно и правильно, потребовалъ бы гораздо большаго времени и мало въ сущности прибавилъ бы яркихъ красокъ къ нарисованной нами картинѣ душевнаго состоянія ребенка при первыхъ шагахъ его жизни.

Попытаемся подвести краткій итогъ всему сказанному. Ребенокъ изображенъ нами прежде всего, какъ слабое существо и страдающее въ силу этого физически отъ всякихъ сильныхъ воздѣйствій внѣшняго міра, страдающее отъ болѣзней, страдающее нравственно въ силу своей беспомощности, зависимости и страшащееся огромнаго перевѣса постороннихъ силъ, дѣйствующихъ внѣ его, въ которыхъ онъ вслѣдствіе природнаго пессимизма склоненъ вначалѣ видѣть враждебныя себѣ силы. Одинъ его крошечный ростъ можетъ, — какъ это удостовѣрено личными воспоминаніями, — быть источникомъ удрученнаго состоянія, когда ребенокъ видитъ себя окруженнымъ великанами-взрослыми. Онъ предсталъ предъ нами невѣжественнымъ и вслѣдствіе этого обреченнымъ на горькія испытанія и на напряженный трудъ, долженствующій поднять его до умственнаго уровня современнаго общества. Онъ нами представленъ неуравновѣшеннымъ, необузданнымъ въ желаніяхъ, поэтому ему неизбежно приходится въ постоянный конфликтъ съ внѣшними условіями и встрѣчать неудачи и запреты. Наконецъ, онъ оказался крайне впечатлительнымъ и нѣжнымъ, страдающимъ отъ всякаго жесткаго прикосновенія жизни. Вотъ, мнѣ кажется, темныя стороны дѣтской жизни. Онѣ уравновѣшиваются въ большей части однимъ, такъ сказать, универсальнымъ органическимъ факторомъ дѣтскаго благоденствія — переливающейся черезъ край жизнерадостностью, неистощимымъ какъ будто запасомъ возрождающихся свѣжихъ

силъ. Благодаря этой жизненности, гибкій юный организмъ, несмотря на свою нѣжность, избѣгаетъ разрушительныхъ ударовъ; благодаря ей, слѣдъ нанесенныхъ ударовъ быстро исчезаетъ,—вокругъ сломанной вѣтви на юномъ древѣ жизни мгновенно почти произрастаетъ много новыхъ отпрысковъ; приостановленные въ ростѣ съ одной стороны, они пышно развиваются въ другія, и, соотвѣтственно этому, препятствія, встрѣчаемыя юношествомъ, не могутъ его долго волновать, потому что оно способно заняться и увлечься всѣмъ другимъ.

Юность имѣетъ и ту еще неоцѣнимую для человѣка сторону, что она, подобно солнечному свѣту, все позлачиваетъ, все расцвѣчиваетъ. Самыя мрачныя явленія, лишь они немного удалились, расплываются въ свѣтѣ, теряютъ свой непривѣтливый видъ, и лужи въ солнечный день только отражаютъ небеса—пока въ нихъ не вступать.

Внѣшнимъ залогомъ дѣтскаго счастья, немногимъ по вѣсу уступающимъ присущей дитяти жизнерадостности, является родительская забота. Она стоитъ на стражѣ нѣжныхъ чувствъ ребенка, чтобы ихъ ничто не оскорбило, не даетъ ребенку ощущать собственнаго безсилія, безгнѣвно укрощаетъ его дикій нравъ, примиряетъ дитя съ безпощадными требованіями жизни, врожденный страхъ перевоспитываетъ въ общее довѣріе, творя всѣ чудеса испытаннымъ рычагомъ любви.

Названный уже нами г. Останинъ написалъ цѣлую книгу о дѣтскомъ счастьѣ, и, чтобы написать цѣлую книгу, онъ говоритъ долго и объ анатоміи, и о фізіологіи, и даже гистологіи: занимается числомъ и видомъ кровяныхъ тѣлецъ, считаетъ дыханія, приводитъ и сличаетъ таблицы кровообращенія, роста.

Весь этотъ трудъ для цѣли автора въ сущности бесполезенъ, такъ какъ не ведетъ дальше общихъ положеній, или вѣрнѣе предположеній, что удовольствіе есть «приращеніе жизненныхъ функцій» или есть «ощущеніе

избытка дѣятельности». Въ виду того, что намъ неизвѣстно болѣе ничего специфическаго о природѣ удовольствія, всѣ подробности, почерпнутыя г. Останинымъ изъ медицинскихъ книгъ *и имѣвшія въ нихъ свой смыслъ и назначеніе*, не говорятъ намъ больше, чѣмъ одно слово, констатирующее общеизвѣстный фактъ, что именно ребенокъ растетъ и что ростъ его сопровождается энергичною жизнедѣятельностью организма и усиленнымъ обмѣномъ веществъ. Во всякомъ случаѣ мы находимъ въ первой части фактическія данныя, могущія заинтересовать читателя въ другомъ какомъ-нибудь отношеніи. Хуже дѣло обстоитъ со слѣдующими главами книги, въ которыхъ авторъ даетъ намъ отвлеченныя самостоятельныя разсужденія, окрестивъ ихъ именами психологін и педагогін.

Достаточно сказать, что въ своей погонѣ за «факторами дѣтскаго счастья» г. Останинъ причислилъ сюда даже ограниченность дѣтскаго ума. Это онъ, конечно, дѣлаетъ изъ необдуманнаго желанія изобразить дѣтей кругомъ счастливыми; мы слѣдовательно имѣемъ здѣсь дѣло съ оптимизмомъ, оптимизмомъ нездоровымъ, если хотите, — пессимистическимъ. Къ сожалѣнію, и помимо г. Останина приходится встрѣчать ту же мысль, возносящую дѣтское невѣдѣніе чуть не до степени блаженства, и поэтому не мѣшаетъ на этомъ остановиться. Я назвалъ оптимизмъ г. Останина въ данномъ случаѣ скрытымъ пессимизмомъ, потому что признавать невѣдѣніе за счастье значить то же, что признавать знаніе, умственное пробужденіе за несчастье или проповѣдывать мракъ и сомнѣваться въ томъ, что Провидѣніе, ведя насъ по пути духовнаго развитія, ведетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ко благу. Разъ мы сдѣлаемъ только маленькій поворотъ и признаемъ неразвитаго ребенка—въ силу той же неразвитости—счастливей развитою взрослою, мы не найдемъ уже основанія остановиться на этомъ низводящемъ насъ пути и должны будемъ признать птичекъ небесныхъ счастливей дѣтей,

пвѣты полевые счастливѣе птичекъ, т.-е. дойдемъ до полнаго *отрицанія* духовной жизни. Превозношеніе дѣтскаго невѣдѣнія есть по-моему одинъ изъ симптомовъ усталости, того умственного отягощенія, о которомъ нами сказано должное въ началѣ.

Въ оправданіе своей дѣтской идилліи г. Останинъ приводитъ, что дѣти не боятся смерти. Но можно ли это такъ просто утверждать? Правда, имъ совершенно чужды представленія взрослыхъ о смерти. Но вѣдь это не все. Инстинктъ самосохраненія есть вѣдь смутное, но крайне острое предчувствіе смерти, и этотъ инстинктъ какъ разъ у низшихъ интеллектовъ играетъ преобладающую роль, а у насъ взрослыхъ онъ даетъ себя рѣзко чувствовать только въ моменты паническаго страха и вообще подавленія высшихъ функцій. Всякій безумный страхъ и вся боязливость дитяти это и есть темное опасеніе за жизнь, т.-е. страхъ смерти, не дошедшій вполнѣ до сознанія, но терзающій болѣе, чѣмъ ожиданіе смерти взрослыхъ. Возьмите въ руки пойманную птичку, понаблюдайте на охотѣ за раненымъ звѣремъ и сравните ихъ состояніе съ душевнымъ настроеніемъ воина, идущаго сражаться за родину, врача у кровати заразнаго больного, стойковъ, наносящихъ себѣ смертельный ударъ за чтеніемъ Фёдона, наконецъ мучениковъ, пріемлющихъ смерть съ ликова-ніемъ, и тогда станетъ уже несомнѣннымъ, что сознательность и развитіе вовсе не есть наше проклятіе.

Міръ такъ прекрасно созданъ, что самое глубокое про-никновеніе идей смерти не мѣшаетъ никому жить и наслаждаться жизнью, пока въ насъ есть способность жить. Анатомы, могильщики, военные во время походовъ бываютъ необыкновенно жизнерадостны, пока они здоровы, и, имѣя со смертію ежеминутно дѣло, тѣмъ легче ужи-ваются съ мыслью о ней. Врачныя предчувствія, по отзы-ву врачей-практиковъ, всегда свидѣтельствуютъ о раз-вивающемся скрытомъ недугѣ, а не о знакомствѣ со смер-тью или тѣмъ паче объ умственномъ совершенствованіи

даннаго субъекта. Какими пронизательными послѣ всего сказаннаго кажутся слова Фридриха Великаго: «наука учить человѣка цѣнить жизнь и не бояться смерти». Ими собственно и можно было бы ограничиться для опроверженія мнѣнія г. Останина.

Положительнымъ курьезомъ слѣдуетъ далѣе признать, что авторъ для увеличенія числа факторовъ дѣтскаго счастья использовалъ и то обстоятельство, что дѣти «не испытываютъ тоски о непознаваемомъ». Но спросимъ себя откровенно, кто мучится этой тоской особенно среди взрослыхъ? Мы, кажется, не хватимъ еще черезъ край, если скажемъ, что 99 % старшихъ находится въ такомъ же счастливомъ положеніи, какъ и дѣти, и до конца жизни не ощущаютъ слѣдовъ этой тоски. Она томить только избранныя натуры, геніевъ, которые зато вкушаютъ радости познанія и творчества, о которыхъ обыкновенно смертные едва имѣютъ представленіе.

Послѣдній, самый, пожалуй, убѣдительный доводъ въ пользу блаженства дѣтскаго невѣдѣнія—это то, что дѣти «не видятъ того физическаго и моральнаго зла, которымъ полна человѣческая жизнь». Это, именно, тотъ доводъ, на основаніи котораго находятъ многіе возможнымъ сопричислять огульно дѣтей къ лику праведныхъ. Объ этомъ самсоболющеніи нами уже кое-что сказано. Дѣти непричастны многимъ порокамъ старшихъ — этому, конечно, слѣдуетъ радоваться и содѣйствовать, но отсюда, повторяю, лѣжно заключать, что они вовсе безгрѣшны. Будьте внимательны и вы увидите, что въ нихъ шевелятся самыя неприглядныя наклонности: онѣ только не вылились на улицу, не пришли въ столкновеніе съ кодексомъ гражданской морали, ютятся въ дѣтской, среди игрушекъ, и играютъ такую же здѣсь роль, какъ недостатки взрослыхъ въ нашей жизни. Народная мудрость обнаруживаетъ здравый скептицизмъ, утверждая, что до перваго грѣха всѣ были безгрѣшны. Еще недвусмысленнѣе учить догма вѣры, что человѣкъ рождается грѣшнымъ и для своего совер-

шенствованія нуждается съ поколѣнія въ поколѣніе въ очищающей купели христіанства. «Нѣсть чловѣкъ безъ грѣха, аще единъ день житія его на земли».

Какъ ни любезна иллюзія о дѣтяхъ—ангелахъ, она опасна тѣмъ, что усыпляетъ бдительность воспитателей, и ее слѣдуетъ разрушать съ легкимъ сердцемъ, разъ черезъ это мы содѣйствуемъ заблаговременному исправленію и расчисткѣ почвы для будущихъ гражданскихъ доблестей.

Я однако не желаю кончить бесѣды грустнымъ развѣнчаніемъ дитяти, хотя и твердо увѣренъ, что чловѣкъ скорѣе приблизится къ своему идеалу, если его въ дѣтствѣ не будутъ идеализировать.

Я желалъ бы, разставаясь съ уважаемой аудиторіей, подсказать вамъ, м. гг., отрадные мысли о дѣтствѣ, и къ счастью во всей моей бесѣдѣ одна свѣтлая сторона дѣтской жизни не была еще затронута, и я могу и долженъ ею воспользоваться.

Въ дѣтствѣ бываютъ многіе моменты—въ ранніе годы они заполняютъ чуть не все бодрственное время—когда всѣ недочеты и неудобства дѣтской жизни, о которыхъ я распространялся, для ребенка положительно исчезаютъ, когда онъ не только не чувствуетъ своего безсилія, но напротивъ, ничего не находитъ для себя труднымъ, когда для него оказывается исполнимымъ даже то, что не по плечу взрослымъ. Въ эти минуты никто его также не стѣсняетъ, онъ не испытываетъ обычныхъ отказовъ, не обязанъ никому повиноваться. Воля его, точно воля гордаго властелина, является верховнымъ закономъ, единственнымъ руководящимъ началомъ. Это, конечно, очень завидныя минуты, а ими услаждаются всѣ дѣти безъ исключенія, отъ наслѣднаго принца до послѣдняго нищаго.

Вамъ, мм. гг., вѣроятно угодно уже услышать, о какомъ это волшебномъ царствѣ я говорю, и я не стану больше злоупотреблять вашимъ вниманіемъ и скажу, что я подразумеваю въ данномъ случаѣ зачарованный кругъ дѣтскихъ забавъ.

Если я дѣтскія забавы называю волшебнымъ, счастливымъ царствомъ, то это вовсе не риторическая прикраса и не преувеличеніе. По-моему нельзя слишкомъ превозносить значенія игръ, какое онѣ имѣютъ въ дѣлѣ осчастливленія дитяти.

Безъ игръ дитя было бы, несмотря на всю заботливость родителей и на всю свою жизненность, самымъ жалкимъ существомъ. Даже его жизненность, не будь игръ, содѣйствовала бы только ухудшенію его положенія, потому что она-то какъ разъ вызываетъ въ немъ аппетиты, которые находятся въ самомъ вопіющемъ несоотвѣтствіи съ его духовнымъ безсиліемъ и физическимъ убожествомъ. И вотъ, примиряющимъ все началомъ, спасительнымъ выходомъ изъ этого критическаго положенія между непомерно большими притязаніями и ничтожными способностями, производительностью, между огромнымъ «хочу» и крошечнымъ «могу» и является забава, игрушка. Ребенокъ захотѣлъ быть генераломъ, но ему предстоитъ еще расти 20 лѣтъ, чтобы сдѣлаться сноснымъ рядовымъ. Генераломъ его сдѣлать не можетъ сразу даже коронованная мать, но всякая почти мать можетъ ему купить коробку оловянныхъ солдатъ и деревяннаго коника, и ребенокъ получаетъ удовольствія, которыя приблизительно испытываетъ настоящій военачальникъ передъ фронтомъ своей арміи, и вдобавокъ онъ избавленъ отъ всѣхъ заботъ, тревоженій и труда, которые несетъ не-игрушечный генералъ; онъ одерживаетъ побѣды, не причиняя никому горя, а когда надоѣстъ ему военная карьера и слава, онъ складываетъ все въ коробку. Такъ же точно, получивъ куклу въ руки, дѣвочка испытываетъ роскошь материнства, не окупивъ его страданіями и не платясь за него тревогами.

Въ играхъ рукъ ребенка повинуются и конь и корабль. Въ играхъ онъ обладаетъ сокровищами, знаніемъ и искусствомъ, созидающей и разрушающей все силой. Ребенокъ, наконецъ, потянулся къ лунѣ, ему вырѣзали полукру-

жокъ изъ золотой фольги, и онъ имѣть уже въ рукахъ луну, т.-е. по крайней мѣрѣ испытываетъ такое удовольствіе, какъ если бы его несбыточное желаніе счастливо осуществилось.

Всѣ пробуждающіеся инстинкты и влеченія, всѣ причудливыя желанія ребенка, которыя, не будучи удовлетворенными, несомнѣнно способны были бы превратить жизнь его въ пытку, находятъ въ его забавахъ благополучный исходъ и «идеальное удовлетвореніе». Игра поэтому заслуживаетъ вполнѣ и передъ многимъ другимъ названія «фактора дѣтскаго счастья», такъ какъ она, удовлетворяя безчисленнымъ потребностямъ, каждый разъ превращаетъ страданіе въ удовольствіе.

Что это удовлетвореніе только воображаемое, это не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ вообще вещи существуютъ для насъ постольку, поскольку мы ихъ себѣ представляемъ. У дѣтей же какъ разъ область вымысла въ силу живости ихъ фантазіи далеко не такъ ясно отдѣляется отъ дѣйствительности, какъ у насъ, и у нихъ можно даже часто констатировать настоящее смѣшеніе воображаемаго и дѣйствительнаго.

Забавы въ томъ захватывающемъ видѣ, какъ онѣ практикуются въ дѣтствѣ, взрослымъ не доступны, потому что у насъ нѣтъ уже тѣхъ легкихъ крыльевъ фантазіи, чтобы оторваться отъ дѣйствительности. Съ другой стороны, нѣтъ той насущной необходимости въ нихъ, потому что мы приладили и пристрастились къ дѣйствительности и проза жизни для насъ не такая жесткая. Для неудовлетворенныхъ натуръ высшаго склада, а въ страданіи и для остальныхъ взрослыхъ, такимъ, какъ для дѣтей игры, спасительнымъ убѣжищемъ служатъ искусства. Если угнетаемая служанка зачитывается романами о маркизахъ и герцогахъ, если одинокіе люди съ упоеніемъ слушаютъ страстные дуэты въ оперѣ, отставной военный увлекается шахматами, то психологическій моментъ, имѣющій мѣсто въ этихъ случаяхъ, очень близокъ съ тѣмъ,

когда дѣти строить города изъ картъ или пекутъ пироги изъ песку *).

Постараемся въ заключеніе сдѣлать еще нѣсколько практическихъ выводовъ.

Дѣти показались намъ прежде всего не столь счастливыми, какъ это принято думать и какъ увѣряютъ насъ въ этомъ мечтатели. Преувеличенное сужденіе о дѣтскомъ счастьѣ возникло въ силу слабой памяти чувствъ и въ силу извѣстнаго самообмана.

Выяснивъ далѣе природу удовольствія, какъ слѣдствія прироста жизни, безпрепятственнаго развитія и проявленія ея силъ, мы отсюда должны заключить, что дѣти, хотя они и не безусловно счастливы, имѣютъ все-таки бесспорное право на счастье, какъ имѣютъ право на ростъ и жизнь, и что мы, желая ихъ дальнѣйшаго преуспѣванія, обязаны стараться по возможности осчастливить ихъ дѣтство, потому что только среди радостей и въ благопріятныхъ для своихъ чувствъ условіяхъ ребенокъ можетъ окрѣпнуть и созрѣть для всѣхъ ожидающихъ его въ жизни задачъ т.-е. счастливой слѣдующей жизни.

*) Непонятнымъ является для меня вполне, почему проф. Сикорскій полагаетъ, что въ играхъ дѣтей отсутствуетъ эмоціональное начало и что игры представляютъ исключительно умственную интеллектуальную дѣятельность (II, 66). Я могу себя это объяснить лишь особенностью темперамента дѣтей, которыхъ имѣлъ случай наблюдать почтенный ученый, и у которыхъ, повидимому, преобладалъ сильно умственный интересъ. Но проф. Сикорскому должны быть извѣстны и обратные случаи, засвидѣтельствованные и въ литературѣ, гдѣ эмоціональная сторона совершенно заглушаетъ умственную, — случаи, напр., когда дѣвочки рѣшаютъ, что ихъ куклы больны или умерли, чтобы сидѣть неподвижно надъ ними и плакать. Столь авторитетный въ дѣлѣ игръ проф. Гроосъ признаетъ чувство самымъ основнымъ психическимъ явленіемъ въ игрѣ (ursprünglichstes psychologisches Phänomen beim Spiel) и объясняетъ ихъ происхождение безкорыстнымъ удовлетвореніемъ природныхъ инстинктовъ (Die Spiele der Thiere). Въ другомъ сочиненіи, специально посвященномъ играмъ человѣка, мы находимъ особенную группу игръ подъ общимъ заглавіемъ „Das Experimentiren mit den Gefühlen“.

Третьимъ выводомъ будетъ то, что ребенку легче усладить жизнь, чѣмъ взрослому: душевное состояніе взрослого зависитъ преимущественно отъ его собственнаго душевнаго склада, отъ того, что хорошаго или дурного завелось въ насъ самихъ, и внѣшнія перемѣны не всегда имѣютъ для насъ рѣшающее значеніе. Дѣти, благодаря своему малому сравнительно содержанію, зависятъ гораздо болѣе отъ постороннихъ факторовъ и легче поддаются вліянію извнѣ. Къ этому еще присоединяется, что потребности дѣтей, какъ маленькихъ и близкихъ къ природѣ людей, удовлетворяются гораздо легче, и что всѣмъ благонамѣреннымъ усиліямъ помочь дѣтской долѣ спѣшить навстрѣчу ихъ собственная чуткость.

Мм. гг. Въ исторіи мысли человѣческой любопытнѣйшія страницы—это тѣ, на которыхъ записаны усилія отдѣльных личностей и цѣлыхъ группъ въ старое и новое время къ облагодѣтельствованію рода человѣческаго. Какіе только при этомъ ни рекомендовались пути, ни восхвалялись средства—отъ возвышенныхъ до гнусныхъ. Съ какихъ только сторонъ ни пытались приступить къ преобразованію міра на пользу самого человѣчества, но чѣмъ быстрѣе ожидался успѣхъ, чѣмъ круче требовался переворотъ, тѣмъ несостоятельнѣе оказывалась затѣя и гибельнѣе ея прямые послѣдствія.

Эта сизифова работа далеко не прекратилась и теперь. Нѣкоторыхъ изъ титаническаго рода человѣческаго обуяли даже за ней, повидимому, отчаянія и безуміе, которыми единственно можно объяснить нелѣпый девизъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Но отчаиваться менѣе всего есть причинъ. Жизнь прогрессируетъ. Если сравнить современный нашъ бытъ съ любой изъ прошлыхъ историческихъ эпохъ, а тѣмъ болѣе съ пресловутымъ золотымъ вѣкомъ, представленнымъ нами въ дѣйствительномъ видѣ въ первой бесѣдѣ, то мы окажемся не только несравненно умнѣе, но и добрѣе и счастливѣе нашихъ отдаленныхъ предшественниковъ. Провидѣніе и безъ частной

людовой иниціативы вѣдетъ челоуѣчество навстрѣчу совершенства и блага.

Что касается сознательнаго участія въ этомъ дѣлѣ людей, то, кажется, благоразумное большинство сходится въ томъ, что тщетно исправлять отношенія между людьми, не исправивъ самихъ людей; слѣдовательно, возрожденіе должно начаться съ личности, съ насъ самихъ. «Реформа», говоритъ Лемэтръ, «включающая и обусловливающая собою всѣ другія, есть реформа личности. Но вѣдь поздно уже передѣлывать людей взрослыхъ и зрѣлыхъ. Надо дѣйствовать слѣдовательно на подрастающія поколѣнія».

Въ наши дни все еще приходится слышать и сожалѣть о разныхъ неудачныхъ порывахъ самозванныхъ законодателей, общественныхъ алхимиковъ, возящихся съ универсальными формулами всемірной благодати, съ успѣхомъ замѣнившими средневѣковыя проблемы философскаго камня и «*regretium mobile*», — приходится, повторяю, сожалѣть тѣмъ болѣе, что эти силы, жертвуемыя часто съ благимъ умысломъ, не только тратятся напрасно, но увеличиваютъ еще сумму наличныхъ бѣдствій и вносятъ смущеніе туда, гдѣ его не должно быть. Я желалъ бы, чтобы всѣ жаждущіе широкой дѣятельности убѣдились достаточно рано, что современному поколѣнію они не въ состояніи оказать сколько-нибудь существенной помощи, что мы обречены нести нашъ крестъ до конца и что гораздо благодатнѣе посвятить всѣ лишнія силы *мирному дѣлу воспитанія и оздоровленія юнаго поколѣнія*, чтобы изготовить чрезъ дѣтей лучшее будущее будущему челоуѣчеству. Въ этомъ направленіи приносятъ несомнѣнную пользу отдѣльныя усилія самыхъ слабыхъ, здѣсь можно также трудиться дружно, безъ взаимной вражды, не подрывая и не разрушая созданнаго уже вѣками. Все здѣсь оплачивается сторицею, принимается съ благодарностью, мелкая жертва способна безконечно обрадовать маленькаго гражданина земли и принести еще въ будущемъ сложные проценты.

Протягивая милостыню взрослому, наша рука иногда колеблется: не злоупотребить ли нашимъ подаяніемъ?

Но облагодѣтельствуйте дитя, и вы сдѣляетесь виновникомъ его улучшенія, виновникомъ чистаго счастья и будете свидѣтелемъ, какъ одаренный вами уйдетъ весь въ него, а впослѣдствіи, когда вы сами забудете объ этой услугѣ и даже когда, можетъ быть, насъ уже не станетъ на землѣ, этотъ мелкій фактъ будетъ жить въ памяти созрѣвшаго уже къ этому времени человѣка, не потерявъ своей прелести, какой въ настоящее время его украсить пылкая дѣтская душа.

Есть суровый взглядъ въ социологіи, что благотворительность приносить вредъ, что люди, неспособные къ труду, такъ или иначе обречены на гибель, а помощь, оказываемая имъ милосердіемъ, продолжаетъ безъ надобности ихъ агонію, задерживаетъ только процессъ очищенія общества.

Отъ всѣхъ этихъ сомнѣній и возраженій свободна воспитательная благотворительность, забота объ обездоленныхъ дѣтяхъ. Герб. Спенсеръ, чей жестокий общій взглядъ на филантропію мы только что привели, проговаривается въ другомъ мѣстѣ, что слабость ребенка повліяла на человечество облагораживающимъ образомъ, развила во взрослыхъ общественныя добродѣтели, пробуждая въ нихъ состраданіе къ слабымъ.

«Когда дѣтская душа», восклицаетъ, воодушевившись нашей задачей, французскій романистъ Жанъ Экаръ, «будетъ повсюду изслѣдована, окружена уваженіемъ и любовью, получить настоящее воспитаніе, весь міръ долженъ будетъ преобразиться!»
